

925

Т 90
56

оп 10-82
1466

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
XIX в.

подъ редакціей

Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО,

при ближайшемъ участіи

А. Е. ГРУЗИНСКАГО и П. Н. САКУЛИНА.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. Н. ОВСЯНИКО - КУЛИКОВСКАГО.

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТИИ

А. Е. Грузинского и П. Н. Сакулина.

Сотрудники: С. А. Адріановъ, Ю. И. Айхенвальдъ, К. И. Арабажинъ, Г. В. Балицкій, Ф. Д. Батюшковъ, Н. Л. Бродскій, В. Брюсовъ, С. А. Венгеровъ, Ю. А. Веселовскій, Ч. Вѣтринскій, А. Г. Горнфельдъ, А. Е. Грузинскій, А. А. Дивильковскій, М. В. Довнаръ-Запольскій, И. И. Замотинъ, И. Н. Игнатовъ, Р. В. Ивановъ-Разумникъ, В. В. Каллашъ, А. А. Корниловъ, Н. И. Коробка, В. Г. Короленко, Н. А. Котляревскій, В. П. Крашихфельдъ, Н. О. Лернеръ, Е. А. Лицкій, Б. А. Маркевичъ, Л. Мартовъ, Н. М. Менделссонъ, Н. К. Пиксановъ, Г. В. Плехановъ, А. Н. Потресовъ, Н. С. Русановъ, С. Ф. Руслова, В. Ф. Саводникъ, П. Н. Сакулинъ, В. Е. Чешихинъ, Н. А. Янчукъ, А. И. Яцимирскій и др.

Томъ IV.

Издание Т-ва „МИРЪ“.

МОСКВА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

(1868 — 1883).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общественные и умственные течения 70-хъ годовъ.

Л. Мартова.

I.

Состояніе общества.

Общественное движение, вызванное къ жизни крымскимъ разгромомъ, черезъ 10 лѣтъ совершенно угасло. Его силь хватило лишь на то, чтобы поддержать монархію въ ея робкихъ попыткахъ реформировать общественные отношенія Россіи ровно въ той мѣрѣ, въ какой этого безусловно требовали военные и фискальные сообщенія. Тамъ, гдѣ общественное движение пыталось осуществить болѣе далеко идущія цѣли, оно оказывалось безсильнымъ, лишеннымъ прочной базы. Его правое крыло—культурная часть земельного дворянства—по самой своей соціальной природѣ было неспособно къ послѣдовательной борьбѣ за радикальную ликвидацию стараго режима: ибо такая ликвидация подрывала основы его собственного хозяйственного существованія. Достаточно было самыхъ слабыхъ проявленій крестьянского движения, направленного противъ половинчатости реформы 19 февраля и противъ ея экспропраціонныхъ тенденцій, чтобы усилить реакціонныя и консервативныя настроенія въ „просвѣщенной“ части землевладѣльцевъ. Съ другой стороны, лѣвое крыло освободительного движения, представленное разночинной интеллигенціей и демократическимъ студенчествомъ, оказывалось совершенно изолированнымъ отъ крестьянской массы, слишкомъ некультурной, невѣжественной и забитой, чтобы реагировать сколько-нибудь широкимъ движениемъ на совершеннное надѣне въ 1861 году насилие. Рядъ рѣшительныхъ репрессивныхъ мѣръ правительства противъ этого, еще численно-слабаго, общественного слоя,—мѣръ, направленныхъ какъ противъ ^{его} явно-революціонныхъ элементовъ и идеологическихъ вождей (М. Михайловъ, Н. Г. Чернышевскій, Шелгуновъ, Щаповъ и мн. другіе), такъ и противъ бо-

лье умъренныхъ его группъ (закрытие воскресныхъ школъ, гонения на печать и университеты), совершенно парализовалъ силы этой интеллигентской демократии. Неизбѣжное слѣдствіе общерусского подъема—польское восстаніе—окончательно изолировало ее отъ широкихъ массъ городского населенія, среди которого реакціонная демагогія вызвала националистическое броженіе. Получивъ подъ Варшавой реваншъ за севастопольское пораженіе, представители старой Россіи вслѣдъ затѣмъ, пользуясь паденіемъ бонапартовской гегемоніи и восхожденіемъ звѣзды Пруссіи, подняли свой международный престижъ и тѣмъ укрѣпляли одну изъ главныхъ традиціонныхъ своихъ позицій въ борьбѣ съ прогрессивными общественными силами.

Иллюзіи начала шестидесятыхъ гг. были безжалостно разбиты. Одна за другой „великія“ реформы, проведенные бюрократическимъ правительстvомъ, разочаровывали передовые элементы „общества“ и интеллигенціи. Крестьянское и земское самоуправление, свободная печать и независимый судъ оказывались фикcіей. Потребность въ общественной самодѣятельности, съ такой острой силой проявившаяся послѣ краха николаевскаго режима, не находила себѣ и минимального удовлетворенія въ учрежденіяхъ, созданныхъ реформами.

Реформы 60-хъ годовъ были проведены въ цѣляхъ открытія дороги развитію капиталистическихъ отношеній. Таковъ былъ ихъ соціально-экономический смыслъ. Но, проводимыя при отсутствіи давленія крупныхъ соціальныхъ силъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы ломка старыхъ экономическихъ отношеній совершилась возможно радикальнѣe и сопровождалась передачей имъ самимъ доли политического вліянія, „великія реформы“ сохранили политическія отношенія старой Россіи, поскольку дворянство оставалось единственнымъ господствующимъ классомъ, а органически связанныя съ дворянствомъ бюрократія продолжала держать въ своихъ рукахъ политическую диктатуру надъ обществомъ. Но она не только сохранила эту диктатуру; реформы значительно усилили ее, увеличивъ численно кадры бюрократіи, разорвавъ непосредственную связь администраціи съ мѣстнымъ дворянствомъ, ослабивъ, хотя и не уничтоживъ, непосредственную опеку дворянства надъ крестьянами, создавъ, въ лицѣ капиталистической буржуазіи, новую опору правительства и, наконецъ, положивъ начало экономическому „оскудѣнію“ дворянской массы, растерившей свои земли.

Такимъ образомъ, торжественно похороненная энтузіастами 60-хъ годовъ, бюрократія въ результатѣ реформъ лишь укрѣпила свое положеніе. Общественныя же движения, ознаменовавшія собою половину десятилѣтія, достаточно напугали ее, чтобы на долгое время побудить держать новыя государственные и общественные учрежденія подъ бдительнымъ контролемъ, направленнымъ къ устраненію изъ нихъ всякой самодѣятельности и оппозиціи. Уже въ концѣ 60-хъ годовъ земства (петербургское) подверглись суровой расправѣ

за попытку заняться о расширениіи правъ; въ теченіе всѣхъ 70-хъ годовъ губернаторы и министры на каждомъ шагу тѣснять дѣятельность земствъ; почти всѣ ходатайства земствъ встрѣчаются отказъ. Компетенція и независимость новыхъ судебныхъ учрежденій тутъ же по ихъ введеніи подвергаются систематическому урѣзыванію. Въ университетахъ и гимназіяхъ, съ назначеніемъ Д. Толстого министромъ народного просвѣщенія, водворяется духъ полицейского сыска и казарменной муштровки. Печать, номинально освобожденная отъ цензуры, отдана въ жертву административному усмотрѣнію. Функции государственной полиціи—знаменитаго „третьаго отдѣленія“—остались почти столь же всеобъемлющими, какъ были при Николаѣ I. Словомъ, во всѣхъ сферахъ управлѣнія правительство держалось на сторожѣ, стремясь подавить въ зародыshъ всякое общественное движение, грозящее заполнить прогрессивнымъ содержаніемъ новыя учрежденія.

Реформа 19 февраля, лишивъ крестьянство значительной части владѣемой имъ земли, не ослабила, а, напротивъ, обострила напряженный антагонизмъ между нимъ и классомъ землевладѣльцевъ. Во всей силѣ сохранились кабальные формы земледѣльческаго хозяйства, и острая нужда крестьянской массы въ земль способствовала ихъ распространенію, лишая помѣщиковъ всякаго импульса къ улучшению способовъ производства. Въ теченіе 60-хъ и 70-хъ годовъ техника сельского хозяйства почти не прогрессировала, а во многихъ мѣстностяхъ явно ретрессировала. Замѣчавшееся въ первые годы послѣ освобожденія стремленіе помѣщиковъ заводиться усовершенствованными орудіями и вводить лучшіе способы обработки очень скоро привело къ полному разочарованію: на почвѣ кабальныхъ отношений къ разоренному крестьянству не могли прививаться европейскіе методы сельскохозяйственной культуры.

Крестьянинъ, вынужденный опутывать себя всевозможными договорами, возстановлявшими почти крѣпостную его зависимость отъ помѣщика, мстилъ послѣднему, какъ только могъ. Жалобы на недобросовѣстность арендаторовъ и сельскихъ рабочихъ, дѣлающую невозможнымъ веденіе правильнаго хозяйства, не прекращаются въ лагерь помѣщиковъ. Что эти жалобы соответствовали дѣйствительному положенію, констатируетъ и Энгельгардтъ, авторъ „Писемъ изъ деревни“, стоявшій на народнической точкѣ зрѣнія; но ему ясна связь этихъ явлений со всей крѣпостнической структурой соціально-экономическихъ отношеній въ деревнѣ.

Несмотря на ростъ хлѣбныхъ цѣнъ въ теченіе 70-хъ годовъ, помѣщичье хозяйство земледѣльческой полосы, связанное въ своемъ развитіи кабальными отношеніями, клонилось къ упадку. Ростъ задолженности, земли уплывали изъ дворянскихъ рукъ въ руки купцовъ и разбогатѣвшихъ крестьянъ и мѣщанъ. Наиболѣе подвижная и культурная часть земельного дворянства переселялась въ города, отказываясь отъ непосредственного веденія хозяйства. Часть реали-

зовала выкупные свидѣтельства въ акціяхъ и облигаций капиталистическихъ предпріятій, переходя въ ряды буржуазіи; часть уходила въ либеральныя профессіи; наконецъ, часть поглощалась бюрократіей. Въ послѣднюю именно часть входили „оскудѣлые“ слои дворянства, для которыхъ крестьянская эмансирація лишь ускорила еще ранѣе начавшееся, но задерживаемое крѣпостнымъ правомъ, разореніе. Некультурное и насквозь пропитанное крѣпостническими традиціями, это оскудѣлое дворянство составило главные кадры той арміи „обруслителей“, которыхъ заклеймила въ своихъ „Ташкентцахъ“ Щедринъ и которыми правительство умѣло пользовалось для проведенія своихъ видовъ въ Польшѣ и Литвѣ, на Кавказѣ и въ Средней Азіи *).

„Отборъ“ жизнеспособныхъ элементовъ, производимый переформеннымъ городомъ, долженъ былъ оказаться самымъ угнетающимъ образомъ на развитіи главнѣйшаго изъ новыхъ общественныхъ учрежденій—земства. Отданное положеніемъ 1864 года въ руки землевладѣльцевъ, земство въ теченіе первыхъ 15 лѣтъ своего существованія въ большинствѣ губерній лишь кое-какъ прозябаетъ. Въ мѣстномъ дворянствѣ не хватаетъ интеллигентныхъ силъ для веденія земскихъ дѣлъ. Недоборъ гласныхъ—частое явленіе. Жалобы на абсентеизмъ земскихъ гласныхъ заполняютъ прессу того времени. Сплошь и рядомъ, благодаря оскудѣнію мѣстного дворянства, земское хозяйство уѣзда попадаетъ въ руки одного-двухъ семействъ, своеокрысто распоряжающихся земскимъ пирогомъ. Соответственно этому и въ непосредственной связи съ правительственнымъ давлѣніемъ, которому оно подвергалось, земство вплоть до 80-хъ годовъ, въ общемъ и цѣломъ, весьма мало дѣлаетъ для поднятія народной культуры. Зато оно самымъ безцеремоннымъ образомъ распредѣляетъ налоги, облагая крестьянскія земли вдвое и втрое выше, чѣмъ частновладѣльческія.

Лишь въ сѣверной не-черноземной полосѣ, гдѣ кабальные отношенія въ большей степени были вытѣснены капиталистическими, гдѣ крестьяне еще до 1861 года уже состояли на оброкѣ, мы встрѣчаемъ въ 70-хъ годахъ типичныя либеральныя земства, ставшія культурными и въ извѣстной мѣрѣ оппозиціонными очагами провинциальной жизни. Дѣятельность прогрессивныхъ элементовъ дворянского сословія здѣсь направляется въ сторону постановки земской медицины, распространенія начального образованія, развитія кустарныхъ промысловъ и коопераций и т. п.

Для крестьянства описываемая эпоха явилась временемъ небывалой ломки всей его хозяйственной жизни. Произведенная въ 1861 г. экспроприація крестьянскихъ земель, выкупные платежи, ростъ косвенныхъ и прямыхъ налоговъ уже сами по себѣ означали громадное

^{*}) Въ теченіе 60-хъ гг. закончено завоеваніе Кавказа, начато покореніе Средней Азіи (Ташкентъ, Заравшанъ, Самаркандъ); упразднена автономія Польши. Въ 70-хъ гг. завоеваны Кокандъ и часть Хивы.

время, взваленное на крестьянскія плечи. Въ то же время проведение желѣзныхъ дорогъ способствовало вторженію капитализма въ деревню. Рядомъ съ сохранившейся и мѣстами усилившейся экономической зависимостью крестьянина отъ помѣщика росла его зависимость отъ хлѣботорговца, скупщика кустарныхъ издѣлій, крупнаго съемщика передаваемыхъ крестьянамъ земель. Жалкій экономической уровень крестьянской массы и ея подавляющая некультурность не позволяли ей приспособиться къ измѣнившимся условіямъ и, въ лицѣ сколько-нибудь значительныхъ слоевъ, использовать экономической прогрессъ общества. Сдавленные путами фискально-полицейской общини и сословно-бюрократической опеки, наиболѣе энергичные элементы крестьянства ищутъ внутри собственного замкнутаго мірка способовъ противостоять захлестывающей деревенское море волнъ экономического прогресса. На плечахъ все ниже опускающейся крестьянской массы стараются они выбраться изъ тисковъ необеспеченности и бѣдности. Кулачество и міроѣдство—вотъ та форма, въ которую преимущественно выливается процессъ образованія мелкобуржуазнаго слоя крестьянства,—форма, исключающая значительное возрастаніе этого слоя. Единицы кулачествуютъ и „выходятъ въ люди“; громадная, подавляющая масса крестьянъ пауперизируется, и лишь на фонѣ этой повальной пауперизаціи статистика впослѣдствіи прослѣдитъ все же совершающійся процессъ экономической диференціаціи, намѣчающій образованіе относительно зажиточныхъ крестьянъ, полупролетарскихъ „горе-хозяевъ“ и безлошадныхъ и безземельный чистый пролетаріатъ. Пока лишь болѣе чуткіе изъ наблюдателей, какъ Успенскій, Златовратскій, Щедринъ, Энгельгардтъ, замѣ чаютъ, что и въ кулачествѣ, въ подавляемой имъ сельской общинѣ, среди „трудового“ по общему своему складу и „сплошного“ крестьянства появляется типъ „хозяйственнаго мужика“, мелкаго буржуза, приспособившагося къ новой экономической обстановкѣ и въ то же время свободнаго отъ паразитическихъ чертъ, характерныхъ для кулака. Еще менѣе бросается въ глаза выдѣляемый сельской общиной чистый пролетаріатъ: общинное землевладѣніе и паспортная система позволяютъ скрывать это явленіе, тѣмъ болѣе, что различіе благосостоянія между чистымъ пролетаріемъ и разоряющимся самостоятельнымъ крестьяниномъ очень незначительно.

Разложеніе крестьянскаго хозяйства вносило разстройство въ функционированіе сельской общини, а полицейскій и сословный гнетъ все болѣе придавалъ послѣдней характеръ учрежденія, приспособленного къ общей задачѣ закрѣпошенія крестьянина государству. Поскольку личность крестьянина росла, подъ влияниемъ измѣнений въ экономическихъ условіяхъ его существованія, она приходила поэтому въ столкновеніе съ общиной. Анти-общинныя, индивидуалистическая тенденціи одинаково обнаруживались и на буржуазно-кулацкомъ, и на пролетарскомъ полюсѣ деревни. Кулацкіе и азно-кулацкіе, и на пролетарскомъ полюсѣ деревни. Кулацкіе и азно-кулацкіе, элементы порой встрѣчали въ общинѣ буржуазно-хозяйственные элементы

отпоръ своимъ попыткамъ выбиться вверхъ на плечахъ большинства, хотя въ иныхъ случаяхъ община и облегчала имъ процессъ порабощенія неимущей массы. По отношенію къ элементамъ пролетарскимъ деревенскій міръ самъ фигурировалъ въ роли закабаляющаго органа, пользующагося переданной ему государствомъ властью для удержанія на землѣ разоренныхъ хозяевъ.

Однако, противоположность сословныхъ интересовъ между землевладѣльческимъ дворянствомъ и крестьянствомъ задерживала развитіе этихъ индивидуалистическихъ тенденцій и укрѣпляла общинная традиція. Зависимость отъ помѣщика, владѣвшаго необходимой для веденія ихъ хозяйства землей, связывала воедино и зажиточные, и разоренные элементы пореформенной деревни. И въ тѣсной связи съ этими общинными традиціями продолжала владѣть умами крестьянъ мысль о неизбѣжномъ исправленіи зла, которое имъ принесла реформа 1861 года, о новомъ передѣлѣ земель, который вырвѣтъ изъ рукъ помѣщиковъ отрѣзанныя отъ общинного владѣнія угодья.

Чаянія „чернаго передѣла“, то-есть прежде всего принудительного отчужденія помѣщичьей земли, были повсемѣстны въ крестьянствѣ чисто-земледѣльческихъ районовъ. Но почти нигдѣ въ теченіе второй половины царствованія Александра II эти задушевныя стремленія крестьянъ не привели ихъ къ какому-нибудь массовому движению аграрно-революціонного характера. Были изолированныя вспышки среди крестьянъ отдѣльныхъ мѣстностей, но онѣ вызывались частными поводами особо грубой и жестокой эксплоатациі со стороны помѣщиковъ. Таково было, напр., громкое Люторическое (Епифанского уѣзда) дѣло (1880 г.) о „вооруженномъ сопротивленіи“ властямъ крестьянъ, разоренныхъ гр. Бобринскимъ. Были порубки, потравы и поджоги, но нигдѣ движение не принимало тѣхъ острыхъ формъ и тѣхъ размѣровъ, какіе оно приняло непосредственно послѣ реформы 19-го февраля. Извѣстное движеніе въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Киевской губ., хотя и окрашенное антипомѣщичьей и чернопередѣльческой идеологіей, выросло изъ внутримірскихъ столкновеній между зажиточной и бѣдной частями крестьянства.

Лишь въ началѣ 80-хъ годовъ, подъ несомнѣннымъ впечатлѣніемъ городской „смуты“, аграрное движеніе вновь проявилось не въ спорадической, а въ эпизодической формѣ въ разныхъ районахъ Россіи, то принимая видъ борьбы за понижение аренды, то выражаясь въ участіе крестьянъ въ еврейскихъ погромахъ, то выражаясь въ борьбѣ съ властями на почвѣ бойкота чиновниковъ или учрежденій (борьба съ введеніемъ земства въ Донской области, борьба съ анти-эпизоотическими мѣропріятіями).

Стоявшее въ непосредственной связи съ „земельнымъ голодомъ“ крестьянства распространеніе въ его средѣ нѣкоторыхъ сектъ свидѣтельствовало о значительномъ броженіи въ умахъ, вызванномъ коренною ломкой всѣхъ условій общественнаго быта.

Въ сектахъ крестьянская мысль выражала идеологически свое недовольство сохранившимся сословно-государственнымъ и нарождающимся капиталистическимъ гнетомъ. Но въ сферѣ практической общественной жизни этотъ протестъ, какъ указано, почти не находилъ своего выраженія. Крестьянское самоуправлѣніе беспомощно и почти безъ сопротивленія склонялось передъ волей мѣстной администраціи. Наиболѣе характерною беспомощность крестьянства выражалась въ его отношеніи къ земству. Въ то время какъ земельное дворянство сдѣлало земскія учрежденія органами укрѣпленія своего положенія господствующаго сословія, крестьяне отнеслись къ участію въ земскихъ учрежденіяхъ, какъ къ своего рода повинности и въ очень немногихъ случаяхъ пытались использовать эти учрежденія въ своихъ интересахъ. Въ теченіе времени, пока дѣйствовало Положеніе 64 года, крестьяне составляли 38,5%, всего числа гласныхъ уѣздныхъ земствъ, въ то время какъ дворянамъ (и чиновникамъ) принадлежало 42,4% всѣхъ мѣстъ. При такомъ соотношеніи силь возможна была борьба за вліяніе. Но ея не было. Около трети крестьянскихъ гласныхъ приходилось на волостныхъ старшинъ и писарей, т.-е. ставленниковъ бюрократіи и предводителей дворянства. Въ составѣ губернскихъ собраній, образуемыхъ выборами отъ уѣздныхъ земствъ, крестьяне составляли уже только 6,9%, тогда какъ дворяне и чиновники—81,5%. Столъ женичточно было участіе крестьянъ въ исполнительныхъ органахъ земствъ—уѣздныхъ и губернскихъ управахъ. Земское большинство, ядро котораго составляли дворяне, не считалось съ крестьянскими гласными. Доля участія въ мѣстномъ самоуправлѣніи, предоставленная крестьянству реформами 60-хъ гг., оставлена ими, за рѣдкими исключеніями (какъ Вятская губ.), неиспользованной. Кроме общей некультурности крестьянской массы и ея зависимаго правового положенія, здѣсь важную роль играла сословная замкнутость крестьянства, воспитанная вѣками русской исторіи и выработавшая въ немъ глубокое инстинктивное недовѣріе къ данайскимъ дарамъ, ко всему, исходившему отъ „барскаго“ міра. Соответственно этому, и тамъ, где въ земскомъ дворянствѣ тонъ задавали либеральная группы и дѣятельность земствъ окрашивалась въ извѣстный народолюбивый цвѣтъ,—даже и тамъ крестьяне относились къ земской дѣятельности очень пассивно и очень слабо поддерживали прогрессивные земскія группы противъ реакціонныхъ. Этому, конечно, только способствовалъ слабый демократизмъ либеральныхъ группъ земского дворянства.

Ростъ городовъ и городского населенія явился непосредственнымъ результатомъ измѣненій, внесенныхъ реформами 60-хъ гг. въ общественные отношенія. Мы уже упоминали объ „эмigraciї“ въ города извѣстной части земельного дворянства. Въ свою очередь крестьянство поставляло такую же эмиграцію. Прежде всего громадная масса дворовыхъ, освобожденныхъ безъ земли, потянулась въ городскіе центры. Земельная необезпеченность и податное бремя

вызвали усиленный отходъ крестьянъ на промыслы. Извѣстная часть этихъ рабочихъ осѣдала постоянно въ городѣ. Наконецъ, просвѣтительное движение, всколыхнувшее провинцію въ началѣ 60-хъ гг., вызвало тягу въ центры культуры самыхъ разнородныхъ элементовъ населенія деревень и глухихъ уѣздныхъ городовъ деревенского типа. Усиленное строительство желѣзныхъ дорогъ содѣствовало этому процессу. По даннымъ Г. И. Шредера, средній городской бюджетъ, составлявшій въ 1871 году 29.443 рубля, въ 1899 доходилъ до 77.809 руб. За тотъ же періодъ расходы городовъ на учебные заведенія возросли въ 8 разъ, на благотворительныя учреждения—въ 7 разъ, на медицину—въ 5½ разъ.

Однако, ни ростъ городовъ, ни постройка желѣзныхъ дорогъ, ни общее развитіе денежного хозяйства не могли обусловить быстраго развитія капиталистической промышленности въ эпоху, непосредственно слѣдующую за освобожденіемъ крестьянъ. Стремительный процессъ разоренія крестьянскихъ массъ задерживалъ расширение внутренняго рынка; слабая, сравнительно, до конца 70-хъ гг., таможенная охрана не освобождала русскихъ фабрикантовъ отъ заграничной конкуренціи, а государственное покровительство желѣзодорожному дѣлу отвлекало въ эту область частные капиталы. Въ то же время русская буржуазія имѣла въ сферѣ крупнаго производства обширное поле приложенія своихъ капиталовъ: процессъ капитализаціи кустарныхъ и домашнихъ промысловъ сулилъ ей при маломъ рискѣ вполнѣ достаточные барыши.

Соответственно этому пореформенная русская буржуазія является передъ нами инертнымъ классомъ, лишеннымъ инициативы и предпримчивости, выколачивающимъ прибавочную стоимость путемъ самыхъ грубыхъ „патріархальныхъ“ методовъ эксплоатациі. Попытки буржуазной интеллигенціи организовывать промышленные съѣзды и выставки проходятъ безъ замѣтнаго вліянія на ходъ промышленности и остаются изолированными. Буржуазія очень мало заботится о распространеніи техническихъ знаній и рѣшительно ничѣмъ не проявляетъ своего отношенія къ толстовской „классической“ учебной системѣ, такъ явно идущей въ разрѣзъ съ потребностями экономического развитія.

Общественно-политическая физіономія класса характеризуется соответствующими чертами. Въ отношеніи къ рабочимъ—ничѣмъ неограниченная эксплоатациі и самодурство. Полное отсутствіе какого-либо вниманія къ материальнымъ и культурнымъ потребностямъ эксплоатируемаго класса. Малѣйшая попытка поднять вопросъ объ огражденіи жизни и здоровья наемныхъ рабочихъ вызываетъ среди капиталистовъ кликъ негодованія и жалобы на нарушеніе исконныхъ „патріархальныхъ отношеній“. Малѣйшая попытка самихъ рабочихъ къ борьбѣ вызываетъ апелляцію къ властямъ, которая, съ своей стороны, проявляютъ полную готовность подавить насилиемъ самое мирное экономическое движение.

Въ своемъ отношеніи къ господствующему сословію буржуазія держится выжидательно. Разсчитывая на неуклонное оскудѣніе дворянства и на мощную поддержку бюрократіи въ нужныхъ случаяхъ, она не ищетъ борьбы съ дворянствомъ, не посягаєтъ на его первенствующее положеніе. Въ земствахъ купечество проявляетъ не больше агрессивности, чѣмъ крестьянство. Борьба купеческой и дворянской партій на земскихъ выборахъ остается единичнымъ явленіемъ. Но, когда дворяне въ земствахъ пытаются использовать свое привилегированное положеніе для усиленного обложения торгово-промышленныхъ предприятій, буржуазія ищетъ помощи наверху и получаетъ ее. Правительство, противопоставляя аграрнымъ тенденціямъ дворянства заботу о развитіи русского капитализма, особымъ закономъ устанавливаетъ предѣльность земскаго обложения промышленного капитала и тѣмъ еще болѣе ослабляетъ прямую заинтересованность буржуазіи въ земскомъ самоуправлениі.

Въ области городского самоуправлениія крупная буржуазія, частью умѣло эксплоатируя косность и темноту мѣщанскихъ массъ, частью въ борьбѣ съ ними, сумѣла устроить свои отношенія съ опекающей администрацией такъ, чтобы избѣжать постоянныхъ конфликтовъ, характеризующихъ жизнь земства. Отдавая „кесарево кесареви“, городская буржуазная олигархія не затрагиваетъ общихъ вопросовъ хотя бы только экономической политики, не даетъ отпора экспансіи администраторовъ и за это пользуется снисходительнымъ отношеніемъ власти къ методамъ ея хозяйственія въ городѣ. При такомъ положеніи вещей городское благоустройство оставляетъ жить лучшаго и интересы массы городского населенія открыто погираются ногами.

Къ началу 70-хъ гг. на промышленныхъ съѣздахъ и въ собрaniяхъ обществъ содѣствія промышленности довольно громко слышатся нотки экономического либерализма. Буржуазная интеллигенція готова искать въ освобожденіи хозяйственной дѣятельности личности отъ всякихъ путъ къ поднятію производительныхъ силъ страны. Но эта пропаганда индивидуалистического либерализма приходилась не ко двору отсталой промышленности и капиталу, тѣсно связанному съ бюрократическимъ правительствомъ и эксплуатировавшему сохраненные реформами кабальныя отношенія. Помѣрѣ того, какъ выяснялись дѣйствительные результаты реформъ и испарялись мечты о быстрой европеизации русскихъ общественныхъ отношеній, фритредерская и манчестерская тенденціи глохнутъ. Къ концу десятилѣтія буржуазія добивается протекціоннаго тарифа и отнынѣ уже только въ сохраненіи и усиленіи таможеннаго и всякаго иного покровительства ищетъ рычаги своего развитія на основѣ продолжающейся пауперизаціи массъ. Соответственно этому усиливается политическій консерватизмъ промышленного класса и, чѣмъ болѣе къ концу десятилѣтія крѣпнетъ либеральная опозиція передового слоя дворянства, тѣмъ рѣшительнѣе крупная буржуазія под-

черкиваетъ свою лояльность и благонадежность. Націоналистический характеръ официальной консервативной идеологии самымъ непосредственнымъ образомъ отвѣчаетъ потребности буржуазіи въ „охранѣ“ ея интересовъ противъ иностранной и инородческой конкуренціи.

Поведеніе рабочаго класса оказывало малое вліяніе на настроение буржуазіи въ 70-хъ гг. Эпоха реформъ произвела въ русскомъ пролетариатѣ перетасовку личнаго состава, заполнивъ фабрики массами обезземеленаго сельскаго населенія. Въ теченіе двухъ первыхъ пореформенныхъ десятилѣтій рабочая масса только приходила въ себя отъ обрушившихся на нее комбинированныхъ противорѣчій старого и нового экономическихъ укладовъ. Способность къ сопротивленію эксплоатациі оставалась минимальной. Вплоть до конца 70-хъ гг. лишь изрѣдка бурные и неосмысленные фабричные „безпорядки“ свидѣтельствовали о томъ, что рабочіе не удовлетворены своимъ положеніемъ.

Однако, уже съ начала десятилѣтія въ аморфной массѣ рабочаго населенія крупныхъ центровъ началъ кристаллизоваться тонкій слой пролетаріевъ, значительно возвышавшійся надъ культурнымъ уровнемъ своей среды. Разнообразный сословный составъ фабрично-заводскаго населенія и различіе въ уровнѣ материальнаго благосостоянія отдѣльныхъ его категорій достаточно объясняютъ то явленіе, что рядомъ съ очень сѣрой крестьянски-некультурной массой образовался въ городскомъ рабочемъ классѣ слой, по всему жизненному обиходу и потребностямъ примикиающій къ менѣе имущимъ группамъ такъ называемой интеллигенції. И, несмотря на то, что первыя общественныя движенія въ интеллигентской средѣ были пропитаны аграрно-соціалистическимъ направленіемъ, отрицавшимъ всякое серьезное значеніе за русскимъ пролетаріатомъ, представители этихъ теченій съ самаго начала столкнулись съ даннымъ слоемъ рабочихъ, какъ съ группой населенія, очень чутко отзывающейся на поднятые движеніемъ вопросы. Въ теченіе всего десятилѣтія въ крупныхъ городскихъ центрахъ не переставали возникать соціалистические кружки рабочихъ, примикиавшихъ къ тогдашнимъ революціоннымъ организаціямъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ эти кружки соединялись въ болѣе обширныя организаціи, какъ, напр., южно-русскій рабочій союзъ (въ Одессѣ въ 1875 г.), сѣверный союзъ русскихъ рабочихъ (въ Петербургѣ въ 1878 г.), второй южно-русскій союзъ (Кievъ—Одесса 1879 г.) и, наконецъ, польскій „Пролетаріатъ“ (къ 1882 г.), представлявшій собою уже революціонную партію, составленную, главнымъ образомъ, изъ городскихъ рабочихъ.

Если, такимъ образомъ, процессъ формированія этого передового слоя городскихъ рабочихъ почти съ самого начала осложнился активной пропагандой революціонной интеллигенціи, то къ концу десятилѣтія этотъ процессъ непосредственно связывается съ ростомъ недовольства самихъ рабочихъ массъ, возникающаго на почвѣ экономическихъ отношеній. Подъ вліяніемъ толчка, даннаго

промышленнымъ кризисомъ, который былъ вызванъ войной 1877 года, въ различныхъ промышленныхъ районахъ возникли стачки и беспорядки, въ которыхъ уже замѣтно нѣкоторое вліяніе на массу разсѣянныхъ среди нея одиночекъ-соціалистовъ. Сквозь стихійное стачечное движеніе начинаетъ пробиваться струя болѣе опредѣленного классового возмущенія. Къ концу 70-хъ и началу 80-хъ гг., когда въ образованномъ обществѣ продолжаютъ еще царить старыя представленія о русскомъ рабочемъ, зоркая администрація зачисляетъ пролетаріатъ въ разрядъ опасныхъ общественныхъ элементовъ и въ различныхъ официальныхъ документахъ констатируетъ наличность въ рабочемъ классѣ враждебныхъ существующему порядку настроений.

Развитіе городской жизни и общая ломка устоевъ крѣпостного быта чрезвычайно умножили тотъ соціальный слой, который съ этихъ именно поръ начинаютъ называть интеллигенціей,—слой, начинающійся съ людей свободныхъ профессій и выполнителей европеизированныхъ реформами функций бюрократической машины и кончающійся высшими категоріями квалифицированного наемнаго труда. Развалъ „дворянскихъ гнѣздъ“ и общій сдвигъ, происшедший въ жизни провинціального чиновничества, мѣщанства и духовенства, выбросили въ столицы и крупные губернскіе города десятки тысячъ молодежи, въ значительной части поглощенной высшими и специальными учебными заведеніями. Между учащейся молодежью, корпораціями представителей свободныхъ профессій и литературными и журналистскими кружками размѣщалась главная масса интеллигенціи, снизу примикиая къ пролетарской, по условіямъ существованія, средѣ недипломированныхъ и лишенныхъ прочной профессіи „разночинцевъ“, а сверху подходя вплотную къ наиболѣе демократической и европейской части землевладѣльцевъ и чиновниковъ, черезъ посредство которой интеллигенція пореформенного времени непосредственно связывалась съ интеллигенціей предшествовавшей эпохи. Капиталистическое хозяйство и отчасти реформированный аппаратъ бюрократіи лишь въ ничтожной мѣрѣ могли занять силы этого быстро размножившагося соціального слоя. Медленный ростъ культурности и экономического благосостоянія народныхъ массъ при длительномъ политическомъ застоѣ обусловливалъ постоянное превышение предложенія интеллигентныхъ силъ надъ спросомъ на нихъ и создавалъ для значительныхъ круговъ интеллигенціи хроническую безработицу. Интеллигентскія массы, и особенно наиболѣе демократическая по происхожденію часть ихъ, испытывали острую нужду и составляли дѣйствительный интеллигентный пролетаріатъ. Но новыя соціальные условія не только не могли занять интеллигентскія массы экономически и тѣмъ привязать ихъ положительными узами къ „хозяевамъ жизни“ пореформенного общества. Эти соціальные условия сложились такъ, чтобы массы разночинной интеллигенціи оставаться свободными отъ оковъ узко-классовой культуры и отъ поли-

тической и идеологической связи съ крупными и вліятельными общественными классами. Старая дворянски-чиновничья культура быстро сходила на нѣтъ, вмѣстѣ съ дворянскими гнѣздами, скомпрометированная своей вѣковой связью съ устоями рабства и азіатчины, въ то время какъ до нельзя замедленный ходъ экономического развитія не позволялъ выработать въ культурныхъ силы ни буржуазіи въ собственномъ смыслѣ слова, ни мелкому мѣщанству, ни новому за-житочному крестьянству. И въ то же время политический режимъ, режимъ окончательно кристаллизовавшагося бюрократически-полицейского абсолютизма, по самой природѣ своей и въ силу сословной своей базы, открыто враждебно направлялся противъ интеллигенціи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, вынужденный собственными интересами и навязчивыми требованиями экономического развитія, самъ содѣйствовалъ умноженію интеллигенціи и утилизировалъ ея силы. Начиная съ средней и высшей школы и кончая службой въ земствѣ, работой въ свободныхъ профессіяхъ или въ литературной сферѣ, интеллигентъ чувствовалъ себя подъ постояннымъ бдительнымъ надзоромъ государственной власти, не имѣющимъ узаконенного мѣста въ установленной системѣ, всесторонне безправнымъ элементомъ. Но въ то же время, на фонѣ бьющей въ глаза медленности темпа общественного прогресса и отсутствія прочныхъ и вліятельныхъ культурныхъ силъ среди признанного государствомъ общества, текучая и разнородная армія интеллигентскаго пролетаріата не могла не чувствовать и не сознавать себя носительницей того культурного процесса, который, ломая устои крѣпостничества, вводилъ Россію въ семью цивилизованныхъ націй. И болѣе того: такое положеніе интеллигенціи придавало ей подобное значеніе и въ глазахъ наиболѣе прогрессивныхъ и рвущихся впередъ группъ производительныхъ классовъ. Интеллигентные элементы дворянства, чиновничества, офицерства и буржуазіи, какъ и передовыя единицы мѣщанства и рабочаго класса, тяготѣли своими духовными интересами къ разночинной интеллигенціи и подпадали подъ сильное вліяніе создаваемой ею культуры и идейныхъ традицій.

Такое положеніе пореформенной интеллигенціи, одновременно центральное въ сферѣ духовной культуры и изолированное по отношенію къ борющимся на поверхности и въ подпочвѣ общества соціальнымъ, классовымъ интересамъ, наложило рѣзкую своеобразную печать на всю идейную и политическую жизнь пореформенной Россіи и на ея литературу въ особенности. Оно сдѣлало то, что игра соціальныхъ интересовъ и борьба соціальныхъ силъ отражались въ политической жизни и въ литературѣ, преломляясь черезъ призму особой культурной среды, рассматривавшей себя какъ особый по отношению къ остальному обществу міръ и объективно являвшійся таковymъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Исторія общественныхъ и умственныхъ движений первыхъ десятилѣтій пореформенной эпохи постольку представляется прежде всего исторіей борьбы

русской интеллигенціи за свое самоопредѣленіе и за свою эманси-пацію; и лишь блѣдно въ перипетіяхъ этой исторіи отражается эволюція остальныхъ классовъ медленно развивавшейся, но все же не стоявшей на мѣстѣ, націи.

II.

Народничество.

Въ ряду идейныхъ факторовъ, которые въ теченіе всего 19 вѣка оказывали вліяніе на умонастроение культурныхъ слоевъ русского общества, значительную роль играли умственная жизнь и соціально-политическая борьба въ Западной Европѣ. Съ этимъ факторомъ приходится считаться и по отношенію къ интересующему насъ періоду.

Франко-прусская война 1870 года и восстаніе Парижской Коммуны закончили исторический процессъ, начатый Великой Французской Революціей. Всльдъ за задачей классовой и духовной эманси-пації западно-европейская буржуазія осуществила задачу эманси-пації національной: и тутъ, какъ и тамъ, она, поставивъ опредѣленную задачу во всей ея полнотѣ, рѣшила ее въ рамкахъ компромисса, соответствующаго ограниченности ея классовыхъ интересовъ. Карта Европы, радикально преобразовавшаяся нѣсколько разъ, пріобрѣтала очертанія, которымъ суждено было оставаться неизмѣнными въ теченіе долгаго времени. Консолидациія капиталистическихъ націй закончилась: были созданы территоріальные и международно-правовые рамки, въ которыхъ капитализмъ могъ безпрепятственно развиваться.

Послѣдняя фаза этого долгаго процесса, протекавшая подъ знакомъ соперничества французского имперіализма и прусского ми-литаризма, внесла чрезвычайное оживленіе въ политическую и ум-ственную жизнь буржуазнаго общества этихъ странъ, а косвенно и остальнай Европы. Но буржуазное общество, въ которомъ капита-листическая отношенія производства къ тому времени достигли зна-чительного развитія, уже не могло зашевелиться безъ того, чтобы не привести немедленно въ движение скрытая въ немъ самомъ про-тиворѣчія. Оживленіе буржуазнаго либерализма и радикализма со-провождалось возрожденіемъ рабочаго движенія, разгромленного въ 1848 году и теперь съ удесятеренной силой заявившаго о своемъ существованіи. Лассалевская агитация и образованіе Интернаціонала, стали крупнѣйшими событиями въ политической жизни 60-хъ годовъ, наложившими печать своего вліянія, между прочимъ, на всю эво-люцію буржуазной демократіи. Ея выдающіеся представители пошли въ большей или меньшей степени навстрѣчу либо революціонному соціализму въ его бланкистской или бакунистской интерпретації, либо практическому рабочему движенію въ его преобладавшей въ теченіе 60-хъ гг. кооперативной формѣ. Получившаяся въ резуль-

тической и идеологической связи съ крупными и вліяльными общественными классами. Старая дворянски-чиновничья культура быстро сходила на нѣтъ, вмѣстъ съ дворянскими гнѣздами, скомпрометированная своей вѣковой связью съ устоями рабства и азіатчины, въ то время какъ до нельзѧ замедленный ходъ экономического развитія не позволялъ выработатьсь въ культурныя силы ни буржуазіи въ собственномъ смыслѣ слова, ни мелкому мѣщанству, ни новому за-житочному крестьянству. И въ то же время политической режимъ, режимъ окончательно кристаллизовавшагося бюрократически-полицескаго абсолютизма, по самой природѣ своей и въ силу сословной своей базы, открыто враждебно направлялся противъ интеллигенції даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, вынужденный собственными интересами и навязчивыми требованіями экономического развитія, самъ содѣйствовалъ умноженію интеллигенціи и утилизировалъ ея силы. Начиная съ средней и высшей школы и кончая службой въ земствѣ, работой въ свободныхъ профессіяхъ или въ литературной сфере, интеллигентъ чувствовалъ себя подъ постояннымъ бдительнымъ надзоромъ государственной власти, не имѣющимъ узаконенного мѣста въ установленной системѣ, всесторонне безправнымъ элементомъ. Но въ то же время, на фонѣ бывающей въ глаза медленности темпа общественного прогресса и отсутствія прочныхъ и вліяльныхъ культурныхъ силъ среди признанного государствомъ общества, текучая и разнородная армія интеллигентскаго пролетаріата не могла не чувствовать и не сознавать себя носительницей того культурного процесса, который, ломая устои крѣпостничества, вводилъ Россію въ семью цивилизованныхъ націй. И болѣе того: такое положеніе интеллигенціи придавало ей подобное значеніе и въ глазахъ наиболѣе прогрессивныхъ и рвущихся впередъ группъ производительныхъ классовъ. Интеллигентные элементы дворянства, чиновничества, офицерства и буржуазіи, какъ и передовыя единицы мѣщанства и рабочаго класса, тяготѣли своими духовными интересами къ разночинной интеллигенціи и подпадали подъ сильное вліяніе создаваемой ею культуры и ідейныхъ традицій.

Такое положеніе пореформенной интеллигенціи, одновременно центральное въ сфере духовной культуры и изолированное по отношенію къ борющимся на поверхности и въ подпочвѣ общества соціальнымъ, классовымъ интересамъ, наложило рѣзкую своеобразную печать на всю ідейную и политическую жизнь пореформенной Россіи и на ея литературу въ особенности. Оно сдѣлало то, что игра соціальныхъ интересовъ и борьба соціальныхъ силъ отражались въ политической жизни и въ литературѣ, преломляясь черезъ призму особой культурной среды, рассматривавшей себя какъ особый по отношению къ остальному обществу міръ и объективно являвшійся таковыемъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Исторія общественныхъ и умственныхъ движеній первыхъ десятилѣтій пореформенной эпохи постольку представляется прежде всего исторіей борьбы

русской интеллигенціи за свое самоопредѣленіе и за свою эманси-пацию; и лишь блѣдно въ перипетіяхъ этой исторіи отражается эволюція остальныхъ классовъ медленно развивавшейся, но все же не стоявшей на мѣстѣ, націи.

II.

Народничество.

Въ ряду ідейныхъ факторовъ, которые въ теченіе всего 19 вѣка оказывали вліяніе на умонастроение культурныхъ слоевъ русского общества, значительную роль играли умственная жизнь и соціально-политическая борьба въ Западной Европѣ. Съ этимъ факторомъ приходится считаться и по отношенію къ интересующему насъ періоду.

Франко-прусская война 1870 года и восстаніе Парижской Коммуны закончили исторический процессъ, начатый Великой Французской Революціей. Всльдъ за задачей классовой и духовной эманси-пации западно-европейская буржуазія осуществила задачу эманси-пации национальной: и тутъ, какъ и тамъ, она, поставивъ опредѣленную задачу во всей ея полнотѣ, рѣшила ее въ рамкахъ компромисса, соответствующаго ограниченности ея классовыхъ интересовъ. Карта Европы, радикально преобразовавшаяся нѣсколько разъ, пріобрѣтала очертанія, которымъ суждено было оставаться неизмѣнными въ теченіе долгаго времени. Консолидациія капиталистическихъ націй закончилась: были созданы территоріальная и международно-правовая рамки, въ которыхъ капитализмъ могъ безпрепятственно развиваться.

Послѣдняя фаза этого долгаго процесса, протекавшая подъ знакомъ соперничества французского имперіализма и прусского милитаризма, внесла чрезвычайное оживленіе въ политическую и умственную жизнь буржуазнаго общества этихъ странъ, а косвенно и остальнай Европы. Но буржуазное общество, въ которомъ капиталистическая отношенія производства къ тому времени достигли значительного развитія, уже не могло зашевелиться безъ того, чтобы не привести немедленно въ движеніе скрытая въ немъ самому противорѣчія. Оживленіе буржуазнаго либерализма и радикализма со провождалось возрожденіемъ рабочаго движенія, разгромленного въ 1848 году и теперь съ удесятеренной силой заявившаго о своемъ существованіи. Лассалевская агитациія и образованіе Интернационала стали крупнѣйшими событиями въ политической жизни 60-хъ годовъ, наложившими печать своего вліянія, между прочимъ, на всю эволюцію буржуазной демократіи. Ея выдающіеся представители пошли въ большей или меньшей степени навстрѣчу либо революціонному соціализму въ его бланкистской или бакунистской интерпретаціи, либо практическому рабочему движенію въ его преобладавшей въ теченіе 60-хъ гг. кооперативной формѣ. Получившася въ резуль-

татъ такого сближенія амальгама мелко-буржуазнаго соціализма съ ярко-демократической окраской оказывала преобладающее вліяніе и на идеологію лѣвыхъ элементовъ русской интеллигенціи въ 60-ые годы. И то же сближеніе мелко-буржуазной демократіи съ соціализмомъ въ соціально-политической сфере способствовало тому, что коллективистскія и коммунистическія симпатіи русской интеллигенціи могли психологически сочетаться съ тяготѣніемъ къ философіи тогдашняго западно-европейского буржуазно-индивидуалистического радикализма. Матеріалистическая и позитивистская разновидности этой философіи, въ которыхъ буржуазная личность давала послѣдній бой за свое освобожденіе, вполнѣ отвѣчали запросамъ русской интеллигенціи, переживавшей разгаръ борьбы съ крѣпостническими узами и крѣпостническими традиціями; а гуманитарная и соціаль-реформатская окраска этого философскаго индивидуализма мирила соціаль-народнически настроенную интеллигенцію съ классовой узостью и ограниченностью ея общаго кругозора.

Трагедія коммуны и торжество политики „крови и желѣза“ положили конецъ новому расцвѣту буржуазной демократіи. Разсъялся міражъ международной гармоніи и торжества демократіи и вскрылось реальное содержаніе послѣднихъ движеній, завершившихъ дѣло великой революціи: оказалось, что национально-освободительные ихъ лозунги прикрывали собою прозаические запросы капиталистической эксплоатациі. Съ другой стороны, изъ-за невинно-мѣщанской оболочки кооператорскаго соціализма выглянуль подлинный ликъ не-прикрашенной классовой борьбы. Радикальный республиканизмъ и демократическое свободомысліе были поставлены передъ необходимостью сдѣлать рѣшительный выборъ между противостоящими въ открытой гражданской войнѣ міромъ труда и міромъ капитала. И они сдѣлали свой выборъ—въ пользу капитала. Тѣ, которые пытались нести въ станъ побѣдителей слово мира—Гарибальди, Викторъ Гюго—были освистаны, ихъ политическая роль была закончена. И въ то время какъ англійские демократы и свободные мыслители спѣшно покидали ряды Интернаціонала, а недавно еще чтимые повсюду польскіе эмигранты встрѣчали всеобщую холодность къ своему дѣлу, въ то время какъ Донъ-Кихоты революціонной буржуазной демократіи оплакивали послѣднее крушениe своихъ иллюзій,—яя Санх-Пансы ликвидировали свою связь съ революціей и, въ лицѣ Гамбеттъ и Криспи, становились въ первые ряды бардовъ и трубадуровъ торжествовавшаго побѣду капитала.

Въ развитіи философской мысли обнаружились попятныe движенія—къ идеализму и метафизикѣ. Естественные науки, недавно еще непосредственно служивши цѣли борьбы за эманципацію личности, теперь выступали въ роли боевого орудія противъ эгалитарныхъ стремленій. Въ частности, дарвинизмъ, революціонизировавшій естествознаніе, явился опорой консервативно-буржуазныхъ теченій въ соціальной наукѣ, какъ и въ политикѣ.

Радикально-индивидуалистическая струя въ ідейномъ движениі шестидесятниковъ тѣмъ самымъ лишилась одного изъ источниковъ, ее питавшихъ. Но и вся обстановка русской жизни вела къ изсякновенію этой струи. Радикальный индивидуализмъ уже не могъ покрывать собою ту борьбу интеллигенціи съ окружающей средой, которая продолжала вестись въ теченіе 70-ыхъ годовъ. Съ наступленіемъ открытой политической реакціи врагомъ „личности“ интеллигента выступила уже не одна окружавшая его косная среда обыкновельского „мѣщанства“, какъ могло представляться въ первую половину 60-хъ годовъ, но цѣлый соціально-политический строй, притомъ строй, который, между прочимъ, опирался на буржуа съ его куцымъ, но рѣзко выпяченнымъ впередъ индивидуализмомъ. Естественные науки, санкционировавши въ первой половинѣ 60-хъ годовъ революціонныя стремленія демократа-разночинца, впослѣдствії были использованы, по примѣру Зап. Европы, умѣренными и аккуратными представителями буржуазно-либерального индивидуализма (Стронинъ, П. Ліліенфельдъ). Въ то же время крушеніе надеждъ шестидесятыхъ годовъ заставило разночинца признать ограниченность предѣловъ его вліянія на складывающееся пореформенное общество, съ началомъ реакціи отвернувшееся отъ интеллигентской демократіи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тоже крушеніе показало слабосиліе интеллигенціи самой по себѣ, и это обстоятельство, ослабляя вліяніе въ интеллигенціи радикально-индивидуалистическихъ теченій, ставившихъ въ центръ общественного прогресса просвѣщенную личность интеллигента, должно было соответственно усилить вліяніе теченій народническо-демократическихъ, искавшихъ для интеллигенціи опоры въ крестьянствѣ.

Къ концу 60-хъ годовъ „писаревская“ группа шестидесятниковъ лишается своего преимущественного вліянія на интеллигентскіе круги въ пользу группы наслѣдниковъ „Современника“. Въ теченіе 70-ыхъ годовъ „писаревцы“ хотя и владѣютъ очень распространеннымъ въ провинціи журналомъ „Дѣло“, но фактически обречены играть вторую скрипку въ радикальной журналистикѣ. Всякій разъ, когда они пытаются взять свою особую ноту, несогласную съ мотивами „Отечественныхъ Записокъ“, они терпятъ пораженіе. Главная публицистическая сила „Дѣла“, Н. В. Шелгуновъ, въ общемъ и цѣломъ идетъ въ ногу съ публицистами „Отечественныхъ Записокъ“. Наиболѣе непокорный изъ всѣхъ П. Н. Ткачевъ остается до конца десятилѣтія изолированнымъ отъ вліянія на широкіе круги публики, хотя индивидуалистическая тенденція въ его политическихъ писаніяхъ (въ нелегальной прессѣ), выразившіяся въ пропагандѣ заговора, захвата власти и террора, оказывали незамѣтное пока вліяніе на революціонеровъ и въ извѣстной мѣрѣ подготавливали ихъ послѣдующій поворотъ къ терроризму.

По мѣрѣ того, какъ укрѣплялась политическая реакція, рядомъ съ центрами ідейного вліянія на интеллигенцію, вновь образовывав-

шимися въ самой Россіи, начинаютъ пріобрѣтать все большее значеніе такие же центры за границей, среди русской эмиграціи. Въ теченіе эпохи „великихъ реформъ“ ідейное вліяніе эмиграціи значительно уступало вліянію русскихъ литературныхъ центровъ, особенно если имѣть въ виду вліяніе на широкую демократическую интеллигенцію. „Властителями думъ“ послѣдней были Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ. Вліяніе Герцена и Огарева, представителей эмиграціи дореформенной эпохи, было значительно до польского восстанія въ кругахъ просвѣщенныхъ помѣщиковъ и либеральной бюрократіи. Крушеніе движенія 60-ыхъ годовъ выбросило въ Западную Европу новыя группы русской эмиграціи, прошедшей черезъ революціонные кружки „Земли и воли“ *), черезъ агитацию „каракозовцевъ“ (1866) и „нечаевцевъ“ (1869). Въ то же время великая встряска 60-ыхъ гг. вызвала впервые, какъ массовое явленіе, временные путешествія за границу демократическихъ элементовъ (напомнимъ, что при Николаѣ I поѣздки за границу были крайне затруднены). При этомъ стѣсненія, которымъ правительство ставило въ Россіи образованію женщинъ, повели къ тому, что въ заграничные (преимущественно швейцарскіе) университеты направилась женская учащаяся молодежь.

Образованіе сравнительно многочисленныхъ русскихъ „колоній“ за границей облегчило непосредственное вліяніе на русскую интеллигенцію со стороны политической эмиграціи и содѣйствовало болѣе близкому знакомству интеллигенціи съ передовыми направленіями европейского общественного движения, которая послѣ коммуны сводились только къ соціализму и анархизму, враждебно боровшимся въ Интернаціоналѣ. Несоответствіе общественно-политическихъ запросъ, пробужденныхъ эпохой реформъ, съ правовыми нормами, продолжавшими господствовать въ Россіи и крайне стѣснявшими въ ней развитіе политической мысли, заставляло передовую часть русской демократической интеллигенціи внимательно прислушиваться къ голосу лидеровъ русской эмиграціи.

Представитель старой эмиграціи, протянувшій, въ отличіе отъ Герцена и Огарева, руку молодому революціонному поколѣнію и пріобрѣвшій себѣ міровое имя своей дѣятельностью въ Зап. Европѣ, М. А. Бакунинъ, оказалъ самое глубокое вліяніе на формировавшуюся идеологію „поколѣнія 70-ыхъ гг.“.

Это вліяніе затѣмъ умѣрялось вліяніемъ позднѣе эмигрировавшихъ писателей, особенно П. Л. Лаврова, гораздо менѣе П. Н. Ткачева **). Въ самой Россіи эти вліянія скрещивались съ вліяніемъ легальной журналистики, преимущественно кружка „Отечественныхъ Записокъ“. Но, опираясь на эмиграцію, интеллигентъ-читатель уже

*) „Земля и воля“ 60-ыхъ гг. не стояла ни въ какой связи съ позднѣйшей (1876—9) организацией того же имени.

**) Вліяніе эмигрировавшаго въ 1875 г. Драгоманова было вообще ничтожно (если не имѣть въ виду его украинской дѣятельности).

не представляль собою пассивнаго объекта воздействиа со стороны сдавленной цензурнымъ прессомъ журналистики. Общественное мнѣніе радикальныхъ читательскихъ круговъ само заставляло эту журналистику считаться съ собою и вліяло на ея линію. Въ теченіе всего десятилѣтія ясно виденъ этотъ процессъ взаимоприспособленія легальной радикальной журналистики и политически оформленной интеллигентской среды, впереди которой, частью какъ вождь, частью какъ непосредственный выразитель ея настроеній, идетъ эмигрантская литература. Позднѣе, къ концу десятилѣтія, когда эта литература начинаетъ уступать вліяніе печати, созданной подпольными станками въ самой Россіи, между этой писательской средой и легальной журналистикой установилось уже больше точекъ соприкосновенія на основѣ общаго политического настроенія.

Гегельянецъ и консерваторъ въ началѣ 40-хъ годовъ, Бакунинъ за границей подпалъ подъ вліяніе Прудона, Маркса и другихъ революціонныхъ дѣятелей того времени. Въ событияхъ 1848 года онъ принимаетъ самое активное участіе, но взгляды его къ этому времени еще далеко не сложились въ сколько-нибудь опредѣленную систему. Письма его, относящіяся ко времени пребыванія его въ Сибири, изданныя Драгомановымъ, обнаруживаются въ немъ еще въ это время человѣка далеко не крайнихъ воззрѣній, готоваго искренно увлекаться либерализмомъ тогдашняго правительства, готоваго признать „нашимъ человѣкомъ“ такихъ представителей бюрократіи, какъ упомянутый Муравьевъ и известный впослѣдствіи гр. Н. П. Игнатьевъ.

Уже послѣ того, какъ онъ снова бѣжалъ за границу и принялъ къ Герцену, издававшему „Колоколъ“, Бакунинъ въ своей брошюрѣ „Романовъ, Пугачевъ или Пестель“ занимаетъ по отношенію къ крестьянскому вопросу позицію, далекую отъ непримириимости: онъ готовъ поддержать монархію, если послѣдняя пойдетъ навстрѣчу желаніямъ освобождаемыхъ крестьянъ и тѣмъ поведеть Россію въ сторону отъ европейскаго капитализма къ торжеству общинного начала.

Но вскорѣ уже оборотъ, принятый крестьянской реформой, бросаетъ Бакунина въ крайнее крыло русской эмиграціи и въ значительной мѣрѣ подъ его вліяніемъ совершается послѣдующее „поворотъ“ „Колокола“ и, въ частности, безоговорочно-революціонная позиція, занятая послѣднимъ по отношенію къ польскому восстанію.

Послѣ пораженія Польши М. А. Бакунинъ вновь окунается въ революціонное движение Запада. Первоначально и здѣсь онъ отыскиваетъ родственныя ему движения среди интеллигентскихъ элементовъ буржуазной демократіи, пытается привлечь на сторону всемирной революціи буржуазно-свободомыслящую и республиканскую „Лигу мира и свободы“. Безнадежность этого предприятия вскорѣ выясняется, и мятежный русскій революціонеръ находитъ для себя поприще въ начиナющемъ громко заявлять о своемъ существованіи Международномъ обществѣ рабочихъ.

Послѣ долгихъ попытокъ приспособиться къ общему направлению, въ которомъ велась этимъ обществомъ его агитационная и организаціонная дѣятельность, Бакунинъ къ концу 60-хъ гг. окончательно убѣждается въ непримиримости своего революціонизма съ все болѣе торжествующимъ въ Интернаціоналѣ марксизмомъ. Въ борьбѣ съ его политическими тенденціями и въ тѣсномъ соприкосновеніи съ различными бланкистскими, заговорщическими и прудонистскими элементами, составлявшими въ различныхъ (преимущественно романскихъ) секціяхъ Интернаціонала оппозицію Генеральному Совѣту,— Бакунинъ окончательно отшлифовываетъ свое революціонное міровоззрѣніе, становясь, такимъ образомъ, идеянымъ учителемъ всего анархистскаго движенія 2-ой половины прошлаго вѣка.

Бакунинъ признавалъ научную цѣнность того анализа капиталистического процесса производства, который сдѣлалъ Карль Марксъ; признавалъ основой современной соціальной организаціи присвоеніе прибавочной стоимости классомъ частныхъ собственниковъ и выводъ объ „экспропрації экспропріаторовъ“ и организації колективнаго владѣнія средствами производства, какъ сущности грядущаго соціального переворота. Но здѣсь кончалось его согласіе съ Марксомъ.

Подобно Прудону, Бакунинъ рѣзко противопоставляетъ соціальную, экономическую организацію общества его политической организаціи. Первая, являясь выражениемъ естественной связи между людьми, ведетъ къ равенству и справедливости (у Бакунина — къ колективизму); вторая, будучи основана на насилии, является основной причиной существованія соціального неравенства. Уничтоженіе политической организаціи, разрушеніе государства и освобожденіе отъ его ига соціальной стихіи является, такимъ образомъ, цѣлью революціи. „Живой, конкретно-разумный ходъ... въ мірѣ практическомъ“, говоритъ Бакунинъ *), заключается въ „движеніи отъ жизни общественной къ возможно разумной организаціи ея, сообразно указаніямъ, условіямъ, запросамъ и болѣе или менѣе страстнымъ требованіямъ самой этой жизни. Таковъ широкій народный путь, путь дѣйствительного и полнѣйшаго освобожденія, доступный для всякаго и потому дѣйствительно народный, путь анархической соціальной революціи, разрушающей все, что противно широкому разливу народной жизни, для того, чтобы потомъ изъ самой глубины народнаго существа создать новыя формы свободной общественности“.

Борьба за улучшеніе государственныхъ формъ является бесполезной. Задача завоеванія государственной власти является поэтому вредной выдумкой. „Междуду революціонной диктатурой и государственной вся разница только во внѣшней оболочкѣ... онъ одинаково-реакціонны“ **).

*) „Государственность и анархія“, стр. 162.

**) Ibid., 167.

Такимъ образомъ, борьба за политическія реформы и участіе въ представительныхъ учрежденіяхъ отвергаются въ корнѣ. Средствомъ борьбы за освобожденіе Бакунинъ признаетъ бунты, изъ которыхъ органически должна вырасти анархическая революція. Субъектомъ революціоннаго движенія является у него не современный пролетаріатъ, какъ экономически опредѣленная соціальная категорія, а лишь его низшіе слои, болѣе или менѣе близко стоящіе къ Lumpenproletariatу.

Дѣло, однако, не въ экономическихъ условіяхъ существованія этого пролетаріата. „Нищета самая ужасная, даже когда она порождаетъ многомилліонный пролетаріатъ, не есть еще достаточный залогъ для революціи... „Нужно еще „отчаяніе“. „Даже нѣмецъ въ отчаяніи перестаетъ быть резонеромъ“. „Но и нищеты съ отчаяніемъ мало, чтобы возбудить соціальную революцію... Для этого еще необходимо общенародный идеалъ, вырабатывающійся всегда исторически изъ глубины народнаго инстинкта... нужно общее представление о своемъ правѣ и глубокая, страстная, можно сказать, религіозная вѣра въ это право“ *). Бакунинъ, такимъ образомъ, подходитъ къ идеалистическому обоснованію своей философіи исторіи, къ исканію основныхъ факторовъ народной эволюціи въ народномъ духѣ. На этомъ пути онъ, слѣдуя старымъ славянофиламъ, приходитъ къ противопоставленію славянскаго міра германскому, при чемъ, вопреки славянофиламъ, сближаетъ романскіе народы съ первымъ. Но недаромъ онъ былъ затронутъ вліяніемъ Маркса или, какъ выразился Плехановъ, „софистицированъ“ экономическимъ материализмомъ. Отъ „народнаго инстинкта“ онъ снова пытается апеллировать къ соціальному бытію, чтобы въ условіяхъ объективнаго исторического развитія обоихъ міровъ найти ключъ къ объясненію различной народной психологіи. „Славяне, — говоритъ онъ, — были по преимуществу племенемъ мирнымъ и земледѣльческимъ. Чужды воинственного духа, которымъ одушевлялись германскія племена, они были по этому самому чужды тѣмъ государственнымъ стремленіямъ, которыя съ раннихъ поръ проявлялись въ германцахъ“ **). „Нѣмцы ищутъ жизни и свободы въ государствѣ; для славянъ же государство есть гробъ“ ***). „То самое, что въ прошедшія времена составляло слабость славянскихъ государствъ, ихъ неспособность образовать государство, въ настоящее время составляетъ ихъ силу, ихъ право на будущность“ ****). Вотъ почему не Россія, а Германія, составляетъ въ Европѣ очагъ реакціи, которая есть „окончательное осуществленіе противонародной идеи новѣйшаго государства, имѣющаго единой цѣлью устройство самой широкой эксплуатациіи

*) Ibid., 36.

**) Стр. 45.

***) Стр. 53.

****) Стр. 54.

народного труда^{*)}). Борьба между „государственностью и анархией“ есть борьба между немцами и славянами или въ концѣ-концовъ борьба между современнымъ городомъ и деревней.

Бакунизмъ именно и явился попыткой сочетать классовое движение современного пролетариата съ инороднымъ ему социальнымъ протестомъ тѣхъ слоевъ крестьянства, которые уничтожалъ и въ концѣ-концовъ уничтожилъ или совершенно преобразилъ капитализмъ въ XIX вѣкѣ—уничтожилъ, главнымъ образомъ, силами современного буржуазно-бюрократического государства. Процессъ этотъ происходилъ наиболѣе остро въ 60-хъ гг. въ Испаніи и Италии, и въ этихъ именно странахъ бакунизмъ сталъ господствующей формой социального движения, увлекши за собою и низы городского пролетариата и мѣщанства, и деклассированную, не захваченную еще зубьями буржуазной „государственности“, плебейскую интеллигенцию **). Въ славянскихъ странахъ развитие капитализма шло тѣмъ же путемъ, выдигая на первый планъ пауперизацію крестьянъ и созданіе массового Littrep proletariat'a, и Бакунинъ, учитывая эту аналогію, ожидалъ отъ славянъ—и особенно отъ Россіи—руководящей роли въ всемирной анархической революції.

Объективныя условия развитія русскаго народа, по мнѣнію Бакунина, подготовили его къ тому, чтобы онъ въ близкомъ же будущемъ сыгралъ эту роль.

Эти объективныя условия, по Бакунину, раскололи національный организмъ русскаго народа на два противоположныхъ міра: общинное крестьянство, косное, полное предразсудковъ и отчасти уже раздираемое внутренними противорѣчіями, но при всемъ томъ способное къ дальнѣйшему развитію въ силу сохранившихся въ немъ анти-авторитетныхъ, эгалитарныхъ и колективистскихъ традицій; и чиновнически помѣщичью надстройку, являющуюся паразитическимъ продуктомъ на народномъ тѣлѣ, держащуюся голымъ насилиемъ и вносящую элементы разложения въ крестьянскій міръ. Этотъ послѣдній искони ведетъ борьбу съ государствомъ и правящими классами во имя абсолютнаго торжества общинныхъ началъ, во имя разрушенія государства; покрываемая мистической монархической традиціей, безуспѣшная, благодаря разрозненности крестьянъ, эта борьба нуждается только въ новомъ объединяющемъ и направляющемъ подвижномъ элементѣ, какимъ въ прежніе вѣка являлось казачество, чтобы привести крестьянство къ полной побѣдѣ, на пути къ которой его движение перерастеть отжившія мистическая традиціи и придется къ анархистскому самосознанію. Революціонной интеллигенціи предстоитъ, какъ тому же казачеству, сыграть лишь роль въ разителей потребностей и стремленій, заложенныхыхъ въ самомъ народѣ и выработанныхъ въ немъ экономическими условіями, рѣзко отличными отъ условій, въ которыхъ живутъ народы Запада.

^{*)} Стр. 13.

^{**)} Участію этой интеллигенціи Бакунинъ придавалъ громадное значеніе.

Бакунизмъ шелъ навстрѣчу настроенію демократической интелигенціи, поскольку отвѣчалъ ея потребности круто порвать съ буржуазнымъ либерализмомъ, ставшимъ на Западѣ консервативной силой, а въ Россіи являвшимся чахлымъ растеніемъ, поскольку, съ другой стороны, санкционируя ничтожное значеніе интеллигенціи, какъ самостоятельной силы, только что потерпѣвшей пораженіе, въ то же время указывалъ ей въ полуосвобожденной и явно неудовлетворенной крестьянской массѣ факторъ неминуемаго кореннаго переворота,—факторъ къ которому могла примкнуть интеллигенція. Наконецъ, а политический характеръ бакунизма какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ разочарованію въ возможности успѣшной политической борьбы, въ которую вѣрилось въ теченіе первой половины 60-ыхъ годовъ.

Но съ самаго же начала десятилѣтія обнаружилась нѣкоторая реакція противъ бакунизма. Ея наиболѣе виднымъ выразителемъ явился П. Л. Лавровъ.

Въ теченіе первой половины 60-ыхъ гг. Лавровъ стоялъ между лагеремъ Чернышевскаго и умѣренно-либеральными кругами интеллигенціи. Правда, соціалистическая симпатія онъ выражалъ уже и тогда, но крайняя тенденція философскаго движенія 60-ыхъ годовъ—материализмъ и сенсуализмъ—отталкивали его отъ лагеря „Современника“. Лишь позднѣе—во время своей ссылки въ Кадниковъ (1867—70 гг.)—онъ выступаетъ съ стройнымъ изложеніемъ своихъ взглядовъ въ „Историческихъ письмахъ“, которая появились въ „Недѣлѣ“ за 1868—69 годы.

Въ „Историческихъ письмахъ“ Лавровъ выступаетъ прежде всего какъ противникъ того поголовнаго увлеченія естествознаніемъ, которое являлось характернымъ явленіемъ умственной жизни 60-ыхъ гг. „Въ интересахъ современной мысли лежить разработка вопросовъ исторіи, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые тѣснѣе связаны съ вопросами соціологіи“ *). Изученіе исторіи должно дать мыслящему человѣку ту руководящую нить въ общественной дѣятельности, которую шестидесятники искали въ природѣ человѣка.

Однако, приступая къ установленію метода изученія исторіи, Лавровъ сразу же наталкивается на тотъ же самый вопросъ о природѣ человѣка, какъ объекта и субъекта исторического процесса. „Для всей группы наукъ, относящихся къ человѣку, критерій важнѣйшаго долженъ прилагаться сообразно характеристическимъ особенностямъ человѣка, особенности же эти неизбѣжно опредѣляются по его субъективной оцѣнкѣ, потому что изслѣдователь самъ—человѣкъ и не можетъ ни на мгновеніе выдѣлиться изъ процессовъ, для него характеристичныхъ“ **). Характерны для человѣка явленія сознанія, свободной постановки цѣлей, „влеченіе перестроить мыслимый міръ по требованіямъ истины, реальный міръ по требованіямъ справедливости“.

^{*)} „Историч. письма“, стр. 10.

^{**) Ibid., 24.}

„Можетъ быть (и даже вѣроятно)“, говоритъ Лавровъ, „въ общемъ строѣ міра явленіе сознанія есть весьма второстепенное явленіе; но для человѣка оно имѣть столь преобладающую важность, что онъ всегда будетъ прежде всего дѣлить дѣйствія свои и подобныхъ себѣ на дѣйствія сознательныя и безсознательныя и будетъ относиться различно къ этимъ двумъ группамъ“ *). „Научное изслѣдованіе убѣждаетъ человѣка, что и эта группа (группа потребностей, представляющихъ „свободнымъ и самостоятельнымъ продуктомъ сознанія личности“) развивается въ немъ не свободно и не самостоятельно, но подъ сложными вліяніями окружающей среды и особенностей его личного развитія; однако, убѣждаясь въ этомъ объективно, онъ все-таки никогда не можетъ устраниТЬ субъективной иллюзіи, которая существуетъ въ его сознаніи и устанавливается для него громадное различие между дѣятельностью, для которой онъ самъ ставить себѣ цѣль и выбираетъ средства, критически разбирая достоинство цѣли и средствъ, и дѣятельностью механической, страстной, привычной, где онъ сознаетъ себя орудіемъ чего-то, извнѣ даннаго“.

Изъ этого дуалистического представлениЯ о соотношении между бытиемъ и сознаниемъ Лавровъ легко выводитъ опредѣленіе исторической законосообразности. „Законъ хода историческихъ событий оказывается съ этой точки зрењія опредѣленнымъ предметомъ изслѣдованія: надо уловить въ каждую эпоху тѣ цѣли умственныя и нравственныя, которые были въ эту эпоху сознаны наиболѣе развитыми личностями, какъ высшія цѣли, какъ истина и нравственный идеалъ; надо открыть условія, вызвавшія это міросозерцаніе, критический и некритический процессъ мысли, его выработавшій, и его послѣдовательное видоизмѣненіе; надо группировать различные міросозерцанія, такимъ образомъ возникавшія, въ ихъ исторической и логической послѣдовательности; надо расположить около нихъ, какъ причины и слѣдствія, какъ пособія и противодѣйствія, какъ примѣры и исключенія, всѣ прочія события человѣческой исторіи. Тогда изъ пестраго калейдоскопа событий изслѣдователь неизбѣжно переходитъ къ закону исторической послѣдовательности“ **).

При такомъ взглядѣ на характеръ закономѣрности исторического процесса Лавровъ долженъ быть неизбѣжно во главу угла своей исторіософіи положить принципъ: „сознательно или безсознательно, человѣкъ прилагаетъ ко всей исторіи человѣчества ту нравственную выработку, которой онъ самъ достигъ“ ***). „Волей, неволей приходится прилагать къ процессу исторіи субъективную оцѣнку, т.-е. усвоивъ, по степени своего нравственного развитія, тотъ или другой нравственный идеалъ, расположить всѣ факты исторіи въ перспективѣ, по которой они содѣйствовали или противодѣйствовали этому

*) Ibid., 24.

**) Ibid., 27.

***) Ibid., 28.

идеалу, и на первый планъ исторіи выставить по важности тѣ факты, въ которыхъ это содѣйствіе или противодѣйствіе выразилось съ наибольшей яркостью... При этой точкѣ зрењія всѣ явленія обособляются, какъ благодѣтельныя или вредныя, какъ нравственное добро или зло... Мы—съ нашимъ нравственнымъ идеаломъ, опредѣляющимъ перспективу процесса исторіи—становимся въ конецъ этого процесса; все предыдущее становится къ нашему идеалу въ отношеніе подготовительныхъ ступеней, ведущихъ неизбѣжно къ опредѣленной цѣли. Слѣдовательно, исторія представляется намъ борьбою благодѣтельного и вреднаго начала, где благодѣтельное, въ неизмѣнномъ видѣ или въ постепенномъ развитіи, достигло, наконецъ, той точки въ которой оно есть для насъ высшее благо человѣчества.“ *)

Гносеологически всѣ эти положенія опираются у Лаврова на послѣдовательное отрицаніе объективныхъ критеріевъ истины. „Пора бы людямъ мыслящимъ усвоить себѣ очень простую вещь: что различія важнаго и неважнаго, благодѣтельного и вреднаго, хорошаго и дурнаго, суть различія, существующія лишь для человѣка, а вовсе чуждыя природѣ и вещамъ самимъ по себѣ... Наука съ ея общими законами явленій присуща лишь человѣку, а вѣчнѣ человѣка существуютъ только одновременныя и послѣдовательныя сцепленія фактovъ, столь мелкихъ и дробныхъ, что едва ли человѣкъ можетъ ихъ и уловить во всей ихъ мелкости и дробности“ **). Поэтому, прогрессъ исторіи—есть понятіе чисто субъективное, вносимое самимъ изслѣдователемъ въ хаосъ фактической исторіи и дѣлающее его, такъ сказать, творцомъ исторической разумности. Лавровъ предвидѣтъ вопросъ о гарантіяхъ побѣды „благодѣтельного начала“ надъ началомъ злымъ. „Не то, чтобы благодѣтельное начало должно было непремѣнно фактически восторжествовать. Не то, чтобы всякий послѣдующій periodъ представлялъ неизмѣнно приближеніе къ нашему нравственному идеалу“ ***). Это неважно, ибо даже если историкъ „отрекся отъ всякой возможности реализаціи лучшаго, то его идеалъ остается высшимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, выработаннымъ исторіею въ мысли человѣка, и опять-таки все минувшее, какъ важное и неважнное, располагается предъ его взоромъ, какъ подготовка этого нравственного убѣжденія, неосуществленнаго, неосуществимаго и въ реальномъ будущемъ, но осуществленнаго въ области человѣческаго развитія.****) Это приближеніе историческихъ фактovъ къ реальному или идеальному лучшему нами сознанному, это развитіе нашего нравственного идеала въ минувшей жизни человѣчества, составляетъ для каждого единственнѣй смыслъ исторіи, единственный законъ исторической группировки

*) Стр. 29.

**) Стр. 31.

***) Ibid., 30.

****) Курс. нашъ.

событій, законъ прогресса, считаемъ ли мы этотъ прогрессъ фактически непрерывнымъ или подверженнымъ колебаніямъ, вѣримъ ли мы въ его реальное осуществленіе или только въ его сознаніи” *).

Такимъ образомъ, общественный идеалъ переносится цѣликомъ въ область утопіи, становится лишь „регулятивнымъ принципомъ“ человѣческой дѣятельности; процессъ дѣйствительной человѣческой исторіи оцѣнивается съ точки зрењія противопоставленного ему сознанія передовой личности, а содержаніе этого сознанія мыслится, какъ независимое отъ самого исторического процесса.

Но если къ исторіи приложимъ лишь субъективный методъ изслѣдованія, то нравственный идеалъ, которымъ изслѣдователь долженъ пользоваться при примѣненіи этого метода, можетъ и долженъ, по Лаврову, быть обоснованъ на ученіо. „Вовсе нѣть причины считать невозможнымъ приложеніе строго-научного мышленія и къ областямъ, где теперь господствуетъ столь же беспорядочный хаосъ мнѣній, какой въ древности господствовалъ въ основныхъ частяхъ естествознанія“ **). При отрицаніи объективныхъ законовъ исторического развитія такое научное обоснованіе нравственного идеала можетъ быть только антропологическимъ. Развитіе личности—къ этому сводится основной критерій исторического процесса. „Развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи; воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости—вотъ краткая формула, обнимающая, какъ мнѣ кажется, все, что можно считать прогрессомъ“ ***), говоритъ Лавровъ, считая „понятія, входящія въ эту формулу, ... вполнѣ опредѣленными и недопускающими различныхъ толкованій для всякаго, кто къ нимъ добросовѣстно относится“.

Эта абстрактная формула прогресса выражала не что иное, какъ оцѣнку русскимъ демократомъ-интеллигентомъ положительныхъ цѣлей соціалистического рабочаго движенія на Западѣ, присоединеніе русскаго демократа къ стремленіямъ европейскаго пролетаріата.

Если такова формула дѣйствительного прогресса, то силой, движущей прогрессъ, является, по Лаврову, критически-мыслящая личность. „Какъ ни малъ прогрессъ человѣчества, но и то, что есть, лежитъ исключительно на критически-мыслящихъ личностяхъ“ ****). Критически-мыслящей является личность, освободившая себя работой мысли отъ пассивнаго подчиненія культурѣ своего времени, возвысившаяся надъ современнымъ ей обществомъ; короче, это есть идеализированный русскій интеллигентъ-демократъ эпохи крутого разрыва интеллигенціи съ барско-чиновничьей общественной средой. „Для того, чтобы эта маленькая группа („группа людей,

*) Ibid., 30—31.

**) Ibid., 40.

***) Ibid., 41—2.

****) Ibid., 78.

сознательно стремящихся къ развитію въ себѣ человѣческаго достоинства и т. д.) могла образоваться, необходимо было, чтобы среди большинства, борющагося ежечасно за свое существованіе, оказалось меньшинство, обеспеченное отъ самыхъ тяжкихъ заботъ жизни“ *).

Объединеніе „критически мыслящихъ личностей“ въ партію и борьба революціонной партіи съ общественнымъ строемъ, препятствующимъ развитію личности и торжеству справедливости, таковъ рычагъ прогресса въ исторіи. Вся книга Лаврова и является призывомъ къ русской демократической интеллигенціи образовать партію и повести систематическую борьбу съ историческимъ строемъ во имя соціализма.

На первый взглядъ мы имѣемъ дѣло съ логическимъ развитиемъ писаревскаго интелликуализма. У Писарева также критическая мысль ставить личность надъ исторической средой, тѣмъ самымъ дѣля ее творцомъ идеального будущаго. Но рѣзкій индивидуализмъ, характеризующій взгляды Писарева, у Лаврова, болѣе знакомаго съ европейскимъ соціалистическимъ движеніемъ и симпатизировавшаго ему, смягченъ гуманitarной этикой, освобожденной отъ эвдемонистического базиса, на которомъ строилась этика Писарева и Чернышевскаго. Критическая работа мысли приводить личность къ пониманію того зла, которымъ куплена ея привилегія двигать прогрессъ человѣчества и которое заключается въ угнетеніи и эксплоатациіи народныхъ массъ. Критически-мыслящая личность становится поборницей интересовъ этихъ массъ и, внося въ ихъ сознаніе критическую мысль, тѣмъ самымъ пріобщаетъ ихъ къ историческому творчеству. Такъ личность уплачиваетъ свой исторический долгъ народу, на счетъ страданій котораго она возвысилась до критической мысли. Въ зародышѣ элементы этого міровоззрѣнія можно найти и у Писарева, и у Чернышевскаго и Добролюбова. Но метафизический натурализмъ Писарева и цѣльность философскаго міровоззрѣнія Чернышевскаго, какъ ученика Фейербаха, не позволили этимъ элементамъ сложиться въ систему, способную одновременно отвѣтить потребности интеллигенціи въ идеализаціи своего собственнаго положенія въ пореформенной Россіи и связать ея эманципаціонныя стремленія съ демократическимъ самоограниченіемъ въ пользу активности народныхъ массъ. Если личность у Писарева является „аристократомъ духа“, менѣе всего склоннымъ искать санкціи своихъ стремленій въ чувствахъ и идеяхъ косной массы, то Чернышевскому его материализмъ, „остановившійся какъ разъ передъ вопросами исторіи, но временами врывавшійся и въ ихъ объясненіе, не позволялъ всецѣло заражаться раціоналистической вѣрой въ силу интеллигентской мысли вырвать народныя массы изъ-подъ законовъ исторического развитія. Нуженъ былъ эклектизмъ, характеризовавшій собой міровоззрѣніе.

*) Ibid., 62.

П. Л. Лаврова, чтобы сумѣть обойти коренное противорѣчіе между европейскими стремленіями пореформенной интеллигентской демократіи и отсутствіемъ въ экономической дѣйствительности элементовъ для образованія исторически - прогрессивной народной демократіи. Только значительный философскій шагъ назадъ отъ Фейербаха къ видоизмѣненному Бруно Бауэру, отъ философскаго материализма къ позитивизму и критицизму могъ отодвинуть теоретическую мысль этой эпохи отъ неразрѣшимыхъ вопросовъ, къ которымъ она подошла вполнѣ въ 60-ые годы. Если поэтому бакунизмъ, съ фанатической ослѣпленностью закрывавшій глаза на эти противорѣчія и догматически противопоставлявшій имъ вѣру въ историческую миссію русского народа, плохо прикрытую вульгаризованнымъ экономическимъ материализмомъ и почти не скрывавшую своей генетической связи съ слафянофильскимъ мессіанизмомъ, могъ непосредственно увлечь за собой лишь самая крайня группа интеллигенціи, уже подготовленная къ воспріятію этихъ идей тайными обществами 60-ыхъ годовъ, то для значительно болѣе широкихъ круговъ демократической интеллигенціи начала слѣдующаго десятилѣтія, для молодежи и не совершенно „отщепившихся“ отъ „общества“ слоевъ ея гораздо болѣе по плечу пришла идеология „Историческихъ писемъ“, подхватывавшая нить „просвѣтительства“ 60-ыхъ гг. и вносила въ него болѣе рѣзкую демократическую и соціально-революціонную ноту.

То, что началъ П. Л. Лавровъ, продолжилъ Н. К. Михайловскій. У Лаврова критически-мыслящая личность творить судъ надъ исторіей и, воздѣйствуя идейно на массы, дѣлаетъ ихъ исполнителемъ вынесенного ею приговора. Въ лицѣ Михайловскаго критически-мыслящая личность интеллигента въ самомъ началѣ 70-ыхъ гг. провела этотъ судебный процессъ. Критеріемъ прогрессивности явлений исторического развитія она установила свою собственную эманципацію, обогащеніе своего собственного содержанія. Цѣлостная личность, къ которой апеллируетъ Михайловскій и приближеніемъ къ которой онъ измѣряетъ прогрессъ общества, есть не что иное, какъ идеализированное изображеніе разночинца-интеллигента, который въ мало дифференциированномъ русскомъ пореформенномъ обществѣ не успѣлъ стать „пальцемъ отъ ноги“ общественного организма, не вылился еще въ устойчивыя категоріи выполнителей техническихъ, политическихъ и идеологическихъ функций господствующихъ классовъ и продолжаетъ еще оставаться единственнымъ общественнымъ элементомъ, воплощающимъ въ себѣ „разумъ“ націи, ея умственную жизнь.

Какъ и Лавровъ, Михайловскій является рѣшительнымъ сторонникомъ соціологического субъективизма. „Самое слово „прогрессъ“, — замѣчаетъ онъ *), — имѣеть смыслъ только по отношенію къ человѣку“. Но этотъ субъективизмъ пытается у Михайловскаго найти для себя болѣе твердую опору въ нѣкоторыхъ объективныхъ зако-

нахъ соціологіи: Михайловскій принимаетъ рядъ соціологическихъ обобщеній Спенсера и другихъ представителей „органической“ школы (напр.: „общество... развивается, подобно организму, переходя отъ однороднаго къ разнородному, отъ простого къ сложному, постепенно расчленяясь и диференцируясь“) и самъ устанавливаетъ, что содержаніемъ исторіи человѣчества является „смѣна формъ коопeraціи“. Въ своей статьѣ „Формула прогресса г. Михайловскаго“ *) Лавровъ критиковалъ эту тенденцію Михайловскаго сочетать субъективный методъ съ признаніемъ объективныхъ истинъ въ соціології. Права субъективизма, по Михайловскому, начинаются съ момента нравственной оцѣнки совершившихся до сихъ поръ соціологическихъ процессовъ и выбора тѣхъ ихъ тенденцій, которая подлежатъ поддержкѣ со стороны личности. „Что общество повинуется въ своемъ развитіи известнымъ законамъ, это несомнѣнно, но не менѣе несомнѣнно присущее человѣку сознаніе свободнаго выбора дѣятельности (курс. подлинника „Изъ литерат. и журн. замѣтокъ 1872 г.“, I, 777). Въ моментъ дѣятельности я сознаю, что ставлю себѣ цѣль свободно, совершенно независимо отъ вліянія историческихъ условій: пусть это—обманъ, но имъ движется исторія“ **). Изъ рамокъ этого кантовскаго противопоставленія сущаго и должноаго Михайловскій никогда не выходитъ. „Соціология должна начать съ нѣкоторой утопіи“.

Процессъ развитія общества противорѣчивъ, заключая въ себѣ прямо-противоположныя тенденціи. Съ одной стороны, развитіе и совершенствование самого общества имманентно стремится сдѣлать живую личность „пальцемъ отъ ноги общественного организма“; съ другой стороны, живая личность борется за свое собственное развитіе, за свою цѣлостность. Рядомъ съ формами коопeraціи, наиболѣе полно выражющими это поглощеніе личности обществомъ, создаются формы коопeraціи, въ принципѣ разрѣшающія задачу гармонического сочетанія интересовъ личности и интересовъ общества. Руководящимъ критеріемъ при установлении оцѣнки историческихъ процессовъ Михайловскій признаетъ интересы живой личности. „Все зданіе Правды должно быть построено на личности“ ***). Онъ доказываетъ, что всѣ системы буржуазнаго индивидуализма, формально признающаго этотъ принципъ, на дѣлѣ жертвуютъ интересами личности интересамъ „системы наибольшаго производства“ ****). Поэтому, „прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно

*) „Отеч. Зап.“ 1870 г.

**) III, 437.

***) IV, 461.

****) I, 445.

все, что задерживаетъ это движение. Нравственно, справедливо, разумно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдельныхъ членовъ" *).

Изъ индивидуалистическихъ предпосылокъ своего „зданія Правды“ Михайловскій дѣлаетъ соціально-народническія заключенія. Если отвлечь отъ личности „такой ея атрибутъ, такое свойство, которое ей было бы присуще именно какъ личности и не зависѣло бы ни отъ какихъ случайностей“ **), то такимъ общечеловѣческимъ свойствомъ, выражениемъ сущности человѣка, окажется трудъ. „Тогда интересы личности, оказавшіеся на оселкѣ практики двусмысленными и даже многосмысленными, замѣняются интересами труда, а при дальнѣйшемъ разотвлеченіи интересы труда превращаются въ интересы народа“. Въ этомъ примиреніи индивидуалистическихъ тенденцій интеллигентнаго мышенія съ народническими симпатіями интеллигенціи заключалась наиболѣе характерная особенность Михайловскаго среди другихъ теоретическихъ вождей поколѣнія 70-ыхъ гг.

Но, какъ и у Лаврова, интеллигентская личность у Михайловскаго не замыкается въ кругъ противопоставленій между собою и общественной средой. Въ этой послѣдней она отыскиваетъ элементы, представляющіе въ неразвитомъ видѣ основныя черты, которыя характеризуютъ ее самое. Въ отличіе отъ Лаврова, имѣющаго дѣло съ абстракціей трудящейся массы, Михайловскій, идя навстрѣчу Бакунину, именно въ русскомъ крестьянинѣ, какъ самостоятельномъ мелкомъ хозяинѣ и членѣ земельной общины, усматриваетъ хозяйственный типъ, приближающійся къ идеалу цѣлостной личности. Задачей русской интеллигенціи является осуществить побѣду представленного общиннымъ крестьянствомъ „типа развитія“ надъ разлагающими его элементами буржуазно-капиталистического строя.

Михайловскій въ еще меньшей степени, чѣмъ Лавровъ, апеллировалъ къ самодѣятельности самихъ народныхъ массъ. Болѣе знакомый съ европейскимъ соціализмомъ и съ 1870 года тѣсно связанный съ его вождями, П. Л. Лавровъ при всемъ просвѣтительскомъ рационализмѣ, окрашивавшемъ его воззрѣнія, основной источникъ той революціонной силы, которой онъ надѣлялъ критически-мыслящихъ идеологовъ, видѣлъ въ концѣ-концовъ въ реальномъ факторѣ міровой борьбы труда съ капиталомъ. Хотя и подчеркивая положительныя, съ его точки зрѣнія, свойства русской общины, онъ чаемое движение крестьянства рассматривалъ сквозь призму соціалистического движения европейскаго пролетаріата, какъ особую разновидность этого мірового движения. Соответственно этому онъ не игнорировалъ и движение пролетаріата въ самой Россіи, а задачу передовой интеллигенціи, сознавшей долгъ передъ народомъ, усматривалъ въ пропа-

*) I, 150.

**) VI, 491.

гандистскомъ воздействиіи на народъ. Михайловскій, сходясь съ Бакунинымъ въ идеализаціи общиннаго уклада, не обольщался его иллюзіями относительно живучести бунтовскихъ традицій въ общинѣ и, будучи свободенъ отъ опредѣленной связи съ европейскимъ революціоннымъ соціализмомъ, гораздо болѣе Лаврова склоненъ былъ брать за исходный пунктъ дальнѣйшаго движенія ту благожелательную и вовсе не демократическую опеку „интеллигенціи“ надъ „народомъ“, которая формально не отличалась отъ отношенія умѣренныхъ либераловъ къ послѣднему и лишь заполнялась народническимъ содержаніемъ въ видѣ признанія въ крестьянинѣ носителя „высшаго типа развитія“. Отсюда, съ одной стороны, вытекало дружественное отношеніе Михайловскаго къ умѣренному культурническому и либеральному народничеству, явно пропитанному самыми скромными мелкобуржуазными идеалами и выполнявшему „долгъ передъ народомъ“ поощреніемъ мелкаго производства, развитіемъ артелей и т. п. палліативами, которые не затрагивали общаго характера соціального развитія страны. Отсюда, съ другой стороны, отсутствіе революціонного отношенія къ правящимъ классамъ и правительству, поскольку послѣдніе, стоя одной ногой на базѣ диформенныхъ отношеній, не всегда выступали въ роли прямыхъ разрушителей „высшаго типа развитія“.

Ни Лавровъ, ни тѣмъ паче Бакунинъ не сказали бы, подобно Михайловскому **): „Требуется предотвратить язву пролетаріата, свирѣпствующую въ Европѣ и угрожающую въ будущемъ Россіи. Излѣченіе этой язвы мнѣ всегда казалось такой тяжелой задачей, которая, по крайней мѣрѣ, моему уму не по силамъ. Но въ то же время я убѣдился, что предупрежденіе ея возможно, если только мѣры будутъ приняты во время“. И Лавровъ, и Бакунинъ допускали, что предупрежденіе появленія пролетаріата въ Россіи еще возможно, и могли бы принять формулу Михайловскаго **): „въ основаніи всѣхъ преній о русскомъ рабочемъ вопросѣ... долженъ былъ бы лечь общеизвѣстный фактъ, что у насъ рабочіе не составляютъ отдельнаго рабочаго сословія“, но они отнюдь не проявляли скептицизма къ „излѣченію“, „язве пролетаріата“ въ странахъ Зап. Европы: оба недаромъ входили въ Интернаціоналъ. Слова Михайловскаго о томъ, что „освобожденіе крестьянъ съ землею сдѣлало Россію въ соціальномъ отношеніи tabula rasa, на которой еще открыта возможность написать ту или другую страницу“ ***), Бакунинъ и Лавровъ могли бы принять лишь съ извѣстной оговоркой: послѣ критики, произведенной Чернышевскимъ надъ условіями „освобожденія“, и попытокъ революціонеровъ 60-ыхъ гг. путемъ „критики оружіемъ“ добиться замѣны „господской воли“ „подлинной во-

*) См. Сочиненія, изд. Русск. Бог., томъ I стр. 655.

**) Ibid., стр. 695.

***) Ibid., стр. 654.

лей“, было для демократа значительнымъ шагомъ назадъ допускать подобную идеализацію „освобожденія“. Но уже полнымъ отказомъ отъ революціонного демократизма явилось знаменитое утверждение Михайловскаго *): „Рабочій вопросъ въ Европѣ есть вопросъ революціонный, ибо онъ требуетъ передачи условій труда въ руки работниковъ, экспропрації теперешнихъ собственниковъ. Рабочій вопросъ въ Россіи есть вопросъ консервативный, ибо тутъ требуется только сохраненіе условій труда въ рукахъ работника, гарантія теперешнимъ собственникамъ ихъ собственности... Понятно, что цѣль эта не можетъ быть достигнута безъ широкаго государственного вмѣшательства, первымъ актомъ котораго должно быть законодательное закрѣпленіе общины“. Для Бакунина и Лаврова подобный отказъ отъ экспропрації помѣщичьей собственности и апелляція къ государственному вмѣшательству въ катедръ-соціалистическомъ смыслѣ были, разумѣется, не приемлемы: отъ иллюзій такого рода, которыми и онъ соблазнился во время выпуска знаменитой своей брошюры („Романовъ, Пугачевъ или Пестель“), Бакунинъ, ставши „апостоломъ всемірнаго разрушенія“, какъ его называлъ Э. Лавелэ, давно уже отказался. Противопоставленіе русскаго „рабочаго вопроса“ западно-европейскому дѣжалось и имъ, но отнюдь не въ смыслѣ специфической „консервативности“ рабочаго вопроса въ Россіи. И, несомнѣнно, Михайловскій имѣлъ въ виду читателей, затронутыхъ вліяніемъ Бакунина и Лаврова, когда, вскорѣ послѣ только что цитированныхъ строкъ, возвращаясь вновь къ этому вопросу, пояснялъ **): „Коренные начала русской экономической жизни не требуютъ революціи, измѣненія направленія своего теченія. Требуется только развитіе этихъ началъ. Будутъ ли при этомъ баррикады или нетъ, это все равно, т.-е. въ томъ смыслѣ все равно, что не измѣнить консервативнаго характера русскаго рабочаго вопроса.

Всѣ приведенные цитаты относятся къ 1872 году, когда революціонная волна 60-ыхъ гг. окончательно разбилась, а новое движение еще не оформилось. Въ этотъ и ближайшіе годы Михайловскій и весь кружокъ „Отечественныхъ Записокъ“ ***) ведутъ идейную борьбу, главнымъ образомъ, съ экономическимъ либерализмомъ и связанными съ послѣднимъ политическими теченіями.

Въ полемикѣ съ Достоевскимъ (по поводу „Бѣсовъ“) Михайловскій совѣтуетъ ему обратить вниманіе на „бѣса національного богатства“, самаго опаснаго бѣса, вселившагося въ тѣло Россіи. Объектомъ воздействиія „Отеч. Записокъ“ служить, главнымъ образомъ, не революціонно и „отщепенски“ настроенная среда, шедшая уже въ это время „въ народъ“—хотя Михайловскій подчасъ въ пламенныхъ строкахъ пытается формулировать психологію этого револю-

*) Ibid., стр. 703.

**) Ibid., 736.

***) Особенно Щедринъ и Г. Успенскій.

ционнаго отщепенства,—но вся масса прогрессивно-настроенной интеллигенціи. Народничество „Отеч. Записокъ“ ведетъ борьбу съ индивидуалистическимъ либерализмомъ за вліяніе на эту интеллигенцію и достигаетъ замѣтныхъ успѣховъ въ этой борьбѣ.

Ему удается дискредитировать экономический индивидуализмъ настолько, что и умѣренно-либеральная журналистика вынуждена дѣлать значительныя уступки въ духѣ катедръ-соціалистического реформаторства. Либерализмъ все болѣе склоняется къ поддержкѣ общинъ, къ поощренію мелкой „народной“ промышленности и коопераций.

Находившіеся подъ непосредственнымъ вліяніемъ пропаганды Лаврова и Бакунина круги интеллигентской молодежи, двинувшіеся въ „народъ“, пропитаны были иными настроеніями. Не отъ разрыва прогрессивной части общества съ „бѣсомъ національного богатства“, а отъ возбужденія вспышки вѣкового сословнаго антагонизма между крестьянствомъ и „барствомъ“ и отъ прямого революціонного воздействиія своего на крестьянство ждали они осуществленія народническихъ идеаловъ. На первыхъ порахъ вліяніе Лаврова имѣло значительное преобладаніе надъ идеями Бакунина. Первые революціонные кружки начали 70-ыхъ гг. (Чайковскаго, Волховскаго и др.), склоняясь въ теоріи къ антигосударственному анархизму Бакунина, на практикѣ вели свою работу въ духѣ Лаврова: предпринятая ими систематическая пропаганда соціально-революціонныхъ идей въ крестьянствѣ и среди городскихъ рабочихъ должна была создать въ будущемъ обширную народную партію, способную поднять общее возстаніе.

Однако, по мѣрѣ того какъ исходѣ интеллигенціи „въ народъ“ принималъ все болѣе массовый характеръ и вызывалъ въ ней энтузіазмъ, первоначальный взглядъ на дѣло значительно измѣнялся. Несомнѣнно, что быстро послѣдовавшія правительственные репрессіи сыграли здѣсь свою роль, поскольку показали затруднительность веденія такихъ сравнительно централизованныхъ и разсчитанныхъ на долгую систематическую пропаганду предпріятій, какимъ, напр., было предпріятіе кружка „чайковцевъ“, организовавшихъ чтеніе лекцій въ рабочихъ кварталахъ Петербурга, большое книжное изданітельство и распространеніе литературы по провинції. Болѣе существенное значеніе, однако, имѣлъ самый фактъ массового увлече-ченія интеллигенціи „хожденіемъ въ народъ“, вызывавшій въ ней представленіе о громадности силъ, какими располагаетъ революція. Настроенію этой массы, зачастую весьма поверхностно ознакомившейся съ программными вопросами, гораздо болѣе соотвѣтствовало бакунистское бунтарство, чѣмъ лавровскій, нѣсколько доктринерскій, „пропагандизмъ“. За границей отношенія между обоими лагерями сильно обострились и сами направленія рѣзко диференцировались. Въ то время какъ „лавристы“ подчеркивали необходимость длительной пропаганды, для чего требовали серьезной научной подготовки

пропагандистовъ и серьезной организаціи, бакунисты, исходя изъ полной готовности народа къ возстанію, отвергали простую организацію и необходимость пріобрѣтенія какихъ-либо серьезныхъ знаній для революціонеровъ, роль которыхъ сводилась къ летучей агитациі, возбужденію мѣстныхъ бунтовъ и дѣйствію на массы собственнымъ примѣромъ. Въ борьбѣ противъ „пропагандизма“ сторону бакунистовъ принялъ и Ткачевъ, несмотря на свое коренное расхожденіе съ ними въ вопросѣ о „захватѣ власти“. Между Ткачевымъ и Лавровымъ, издававшимъ газету, а затѣмъ сборники подъ названіемъ „Впередъ“, возникла полемика по вопросу о значеніи научной подготовки для революціонера: Лавровъ рѣзко возсталъ противъ тенденцій къ самоопрошенію и къ упрощенію соціальной проблемы, которая отличали „якобинцевъ“ (послѣдователей Ткачева) и бакунистовъ. Националистическая и славянофильская закваска бакунизма и ткачевизма также подверглись его критикѣ. Еще суровѣе была критика, данная Фридрихомъ Энгельсомъ въ отвѣтъ на открытое письмо къ нему Ткачева. Энгельсъ высмеивалъ преувеличенныя надежды на русскую общину и вѣру въ возможность коммунистической революціи въ Россіи.

Въ русской легальной журналистицѣ эта борьба, возникшая въ эмиграціи, имѣла также свое отраженіе. Юзовъ (Каблицъ), Пругавинъ, П. Червинскій явились выразителями той антирационалистической струи въ народничествѣ, которую въ эмигрантской литературѣ выражалъ бакунизмъ. Болѣе рѣзкое, чѣмъ у писателей „Отечеств. Записокъ“, противопоставленіе „города“ и „деревни“, т.-е. индивидуалистического склада буржуазной цивилизаціи и коммунистическихъ тенденцій общины; идеализация раскола и сектантства, какъ высшихъ проявленій самобытнаго революціонизма крестьянства; наконецъ, принципіальное уменьеніе роли „ума“ и превознесеніе значенія „чувства“ въ исторической жизни народовъ,—таковы были характерные черты этого крайняго народничества, свившаго себѣ гнѣздо, главнымъ образомъ, въ „Недѣль“. Вопросъ о сравнительной роли „ума“ и „чувства“ былъ въ одно и то же время вопросомъ о „пропагандѣ“ или „агитациї“ и вопросомъ о значеніи экономического фактора по сравненію съ интеллектуальнымъ. Идеалистической интеллектуализмъ Лаврова и интеллигентской индивидуализмъ Михайловскаго равно отвергались бакунистами и ихъ союзниками въ легальной литературѣ. Отъ интеллигента-народника требовался полный отказъ отъ привилегированной роли въ историческомъ процессѣ, отъ всякихъ претензій вносить что бы то ни было извнѣ въ народное море. Онъ долженъ былъ стать простымъ выразителемъ затаенныхъ въ народѣ стремленій, не столько учить народѣ, сколько учиться у него и служить ему лишь какъ боевая сила, какъ былое казачество въ прежнихъ крестьянскихъ движеніяхъ. Въ такой программѣ отщепенская тенденція революціонного движения 70-ыхъ гг. находила свое полное выраженіе: демократическая интеллигенція

обрубала послѣднія идейныя связи съ просвѣщенной частью имущихъ классовъ и, „растворяясь въ сѣромъ сермяжномъ морѣ“, по выражению Н. К. Михайловскаго, безоговорочно примыкала къ словесному движенію стоявшаго внѣ „городской цивилизациї“ крестьянства.

Легко понять, что Михайловскій долженъ былъ еще рѣшительнѣе, чѣмъ Лавровъ, возстать противъ такой идеологии. Въ рядѣ статей онъ бичевалъ стремленіе „поставить разумъ на запятки къ чувству“ и отстаивалъ право интеллигенціи критически относиться не только къ буржуазному прогрессу, но и къ мужицкой дѣятельности. Для этого ему пришлось значительно разбавить водой крѣпкое вино народничества „литературныхъ замѣтокъ“ 1872 и 73 гг. Въ противовѣсь крайнимъ народникамъ, онъ вынужденъ былъ подчеркивать наличность тѣневыхъ сторонъ въ дѣятельности русской деревни и ограниченность ея идейныхъ стремленій. Въ томъ же духѣ писали его сотрудники по „Отечеств. Запискамъ“. Щедринъ и Успенскій подчеркивали отсутствіе внутренней гармоніи въ наличной деревенской дѣятельности, корни, которые пускаетъ въ самой деревнѣ проникающій изъ города капитализмъ, и ея пассивность и безсиліе собственными ресурсами противодѣйствовать его разлагающимъ вліяніямъ. Въ скептическихъ нотахъ очерковъ Г. Успенскаго читающая публика улавливала скрытую полемику противъ той энтузиастической идеализаціи деревни, которую давалъ Злато-вратскій.

Въ этой идейной борьбѣ Михайловскій и „Отечественные Записки“ выражали объективныя тенденціи того соціального слоя, въ предѣлахъ котораго велась вся борьба,—соціального слоя интеллигенціи,—но выражали, разумѣется, сквозь призму симпатій демократической, плебейской части этого слоя. Безправный юридически въ режимѣ полицейского абсолютизма, опирающагося на сословныя привилегіи отжижающаго класса, этотъ соціальный слой, чѣмъ не менѣе, занималъ уже достаточно прочное и незаполнимое мѣсто въ пореформенномъ обществѣ, чтобы онъ могъ, какъ цѣлое, противопоставлять себя ему въ качествѣ отщепенца, чтобы слишкомъ радикально порвать съ нимъ всякую идейно-политическую связь и стремиться къ революціонному разрушенію его. При всѣхъ идейныхъ симпатіяхъ къ „деревнѣ“ интеллигенція была слишкомъ тѣсно связана материально и духовно съ „городомъ“; при всей идеализаціи потенциальной активности „народа“ слишкомъ осознательно ощущала свое общественное значеніе, какъ единственного активнаго элемента прогресса; при всей рѣзкости, съ которой она отрицала „бѣса национального богатства“ и служеніе ему со стороны культурной части имущихъ классовъ, она не могла не чувствовать общаго источника, которымъ питались и ея соціальный радикализмъ и ихъ политическая и культурная оппозиціонность. Поэтому бакунистское революціонное народничество, принципіально лишавшее интеллиген-

цию всякой руководящей роли въ процессѣ соціальної борьбы и отвергавшее всякую связь между „народомъ“ и „обществомъ“, не могло увлечь за собою всю массу интеллигентской демократіи. Но оно могло и, по условіямъ времени, должно было увлечь за собою почти всю ея наиболѣе активную и самоотверженную часть, способную къ рѣшительной борьбѣ, словомъ, почти всѣ ея революціонно настроенные элементы. Противорѣчія русского пореформенного развитія, сдѣлавшія демократическую интеллигенцію единственной группой, способной къ борьбѣ за устраненіе препятствій, стоявшихъ этому развитію на пути, создали тогдѣ парадоксъ, благодаря которому передовая часть этой интеллигенціи, чтобы достигнуть своего собственного группового самоопредѣленія, чтобы ощутить свою общественную необходимость, какъ движущей силы національного развитія, должна была объединиться и пойти въ бой подъ знакомъ идеологии, абсолютно отрицающей эту ея необходимость и эту ея роль, растворившей ее въ „сѣромъ сермяжномъ морѣ“. Только идеино и политически объединившись подъ знаменемъ отвергавшаго роль идей и аполитического бакунизма, передовая часть интеллигентской демократіи могла развернуть такую героическую борьбу за объективные интересы всего пореформенного общества въ цѣломъ, которая ея къ концу десятилѣтія не только вновь примирila съ „обществомъ“, но и временно поставила во главѣ его.

Вотъ почему въ то время какъ электическое и соціаль-реформистское народничество „Отечество. Записокъ“ господствовало надъ умами читателей, а столь же электическій и европеизированный субъективизмъ П. Лаврова могъ создать въ революціонномъ лагерѣ лишь слабую секту учениковъ, доводившихъ до карикатуры раціоналистической утопізмъ учителя и лишавшихъ его учение всякаго боевого духа,—бунтарское народничество бакунистовъ подчиняло себѣ умы и сердца борцовъ. Революціонная молодежь, въ общемъ, читала крайне мало, но изъ прочитанного усваивала боевые лозунги, чтобы среди всеобщей могильной тишины и застоя попытаться вызвать грандиозное движение.

III.

Торжество политики надъ соціальнымъ утопизмомъ.

Массовое хожденіе въ народъ закончилось въ 1874 году арестомъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Записка министра Палена о революціонной пропагандѣ насчитывала 37 губерній, въ которыхъ проявилась революціонная дѣятельность въ 1873—74 гг. Въ двухъ громадныхъ процессахъ (193-хъ и 50-ти) и рядѣ болѣе мелкихъ правительство „ликвидировало“ эту эпопею.

Среди уцѣльвшихъ революціонеровъ бакунистскія идеи пріобрѣтали все большее вліяніе. Однако, тактика подверглась нѣкоторому измѣненію. Многіе революціонные кружки пришли къ мысли о необходимости замѣнить летучую агитацию основаніемъ прочныхъ „поселеній“ въ деревнѣ. Революціонеры должны были пріобрѣсти въ деревнѣ известное общественное положеніе, чтобы получить возможность вліять на окружающія массы въ ожиданіи подходящаго случая, когда тотъ или иной конфліктъ на аграрной почвѣ дастъ возможность повести бунтарскую агитацию. Здѣсь сказался учеть опыта 1873—4 гг., показавшаго воочію, что деревня далека отъ готовности возстать по первому слову агитатора.

Эти бунтарскіе элементы, къ этому времени уже охотно называвшіе себя по преимуществу „народниками“, сплотились въ 1876 г. въ довольно обширную революціонную организацію „Земля и Воля“. Въ то время какъ базой ея являлись деревенскія „поселенія“ въ разныхъ мѣстахъ, подвижное и строго централизованное ядро организаціи сосредоточивалось въ нѣсколькихъ крупныхъ городскихъ центрахъ, гдѣ велась агитация среди учащейся молодежи и рабочихъ, концентрировались свѣдѣнія о ходѣ работы на мѣстахъ и откуда мѣстныя группы обслуживались силами, средствами и литературой. На югѣ главные революціонные кружки не примкнули къ „Землѣ и Волѣ“ и, держась болѣе опредѣленныхъ федералистскихъ взглядовъ, являлись самостоятельными направляющими центрами. Члены именно этихъ южныхъ кружковъ (Дейчъ, Стефановичъ и другіе) предприняли попытку использовать аграрную волненія въ Чигиринскомъ уѣздѣ, чтобы, во имя царя, образовать среди крестьянъ обширную аграрно-революціонную организацію.

Но чигиринская попытка осталась единственнымъ примѣромъ успѣшного воздействиѣа „бунтарей“ на крестьянъ, да и та свидѣтельствовала прежде всего о прочности монархическихъ традицій въ деревнѣ. Въ остальныхъ мѣстностяхъ народники замѣтнаго революціонного успѣха не имѣли. Это обстоятельство вскорѣ же привело къ тому, что приливъ силъ въ деревенскія поселенія прекратился и въ деревнѣ оставали преимущественно менѣе боевые по настроению элементы, молча признавшіе невозможность немедленной крестьянской революціи и примирившіеся съ перспективой долгаго выжиданія болѣе благопріятныхъ условій. Въ городахъ же организованныя революціонные группы были окружены плотной средой демократической интеллигентіи, приходившей во все болѣе возбужденное состояніе. Рядъ политическихъ процессовъ, трагическая смерть нѣсколькихъ обвиняемыхъ, замученныхъ долгимъ заключеніемъ, давшая поводъ революціонерамъ и молодежи организовать уличныя демонстраціи, бурные беспорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, вызванные усиленною подозрительностью власти, которую тревожило развитіе революціонного движения,—все это создавало революціонерамъ атмосферу сочувствія и побуждало ихъ использовать благо-

пріятно складавшуюся обстановку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 1876 года волна политического возбужденія разлилась и по обывательской средѣ. Реакціонная и националистическая пресса въ интересахъ своего лагеря возбудила славянскую агитацию. Сочувствіе освободительной борьбы балканскихъ славянъ охватило самые разнородные круги. Подогрѣвшая шовинистическія чувства, славянофильская агитация одновременно поднимала интересъ къ политическимъ дѣламъ въ самой Россіи. Когда же въ резултатѣ балканского конфликта началась война съ Турцией, сопровождавшаяся въ первое время пораженіями русской арміи и скандалыми разоблаченіями несостоительности разныхъ сторонъ государственного управлія, возбужденный внѣшними событиями интересъ къ политикѣ пріобрѣлъ сильную оппозиціонную окраску. Въ либеральной части имущихъ классовъ раздались голоса, робко подымавшіе вопросъ о реформахъ. Въ публикѣ толковали о томъ, что Россія, воюя за свободу балканскихъ славянъ, не можетъ оставаться несвободной.

Въ революціонной средѣ, рядомъ съ основнымъ бакунистскимъ, анархистскимъ теченіемъ *), стали проявляться революціонно-конституціоналистскія тенденціи. Въ конституціоналистскомъ духѣ писаль свои политические памфлеты М. Драгомановъ, въ 1876 г. переселившись за границу. Шестидесятники Зайцевъ и Христофоровъ основали за границей же журналъ „Общее дѣло“, который, не примыкая ни къ одному изъ прежнихъ теченій, носилъ обще-демократический характеръ **). По свидѣтельству В. Дебагоріо-Мокріевича, на сходкахъ революціонной молодежи въ южно-русскихъ городахъ нѣкоторые „радикалы“ отстаивали борьбу за конституцію и, несмотря на возраженія бакунистовъ, пользовались успѣхомъ.

Происшедшій 27 янв. 1878 г. выстрѣль В. И. Засуличъ въ ген. Трепова, явившись актомъ протesta противъ жестокаго обращенія съ политическими заключенными, вызвалъ такое общее возбужденіе, что даже подцензурная печать рѣшилась заговорить о неизбѣжности такихъ кровавыхъ происшествій при данныхъ условіяхъ. Судъ присяжныхъ оправдалъ Засуличъ, а толпа устроила послѣ приговора уличную демонстрацію.

Въ то же время взвинченное настроеніе бунтарскихъ кружковъ, не находившее себѣ исхода, направилось въ сторону „пропаганды фактами“: примѣры личнаго отпора насилию властей стали рекомендоваться, какъ средство расшевелить общество. Въ Одессѣ послѣдовало вооруженное сопротивленіе группы бунтарей во главѣ съ И. Ковалевскимъ при арестѣ типографіи. Этотъ актъ, какъ и другіе аналогичные, дѣйствительно, вызвалъ большой шумъ и толки въ обществѣ. Агитационный успѣхъ былъ налицо, но, прислушиваясь къ вызванному этими дѣйствіями шуму, бунтари уже находились въ

*) Его органомъ въ 1878 г. являлся женевскій журналъ „Община“ (Эльснишъ, Ралли, Аксельродъ и др.).

**) Ближайшее участіе въ органѣ принималъ Н. А. Бѣлоголовый.

плѣну у того самаго „общества“, спиной къ которому они пытались стать. Ибо общественное значеніе ихъ индивидуальная и групповая выступленія пріобрѣтали лишь постольку, поскольку шли навстрѣчу росту оппозиціонного настроенія въ широкихъ демократическихъ и либеральныхъ кругахъ. Съ „дѣятельностью въ народѣ“ эти акты уже не имѣли непосредственной связи даже и въ представлениі революціонеровъ. Такое же значеніе имѣли послѣдовавшіе вскорѣ террористические акты, исходившіе отъ отдельныхъ бунтарскихъ кружковъ и направленные противъ различныхъ представителей администраціи.

Въ началѣ 1878 года группа литераторовъ, не участвовавшая непосредственно въ революціонныхъ организаціяхъ, стала выпускать нелегальную газету „Начало“ („органъ русскихъ революціонеровъ“, вышло 4 №№). Въ первомъ номерѣ органа (мартъ, 1878 г.) редакція старается держаться всецѣло народнической программы, отвергаетъ борьбу за конституцію, апеллируетъ къ „анархичности русского народа“ и защищаетъ „бунтарскую“ тактику. Но уже черезъ 2 мѣсяца, въ № 4-мъ журнала, не пользовавшагося особымъ вліяніемъ, но зато довольно вѣрно отражавшаго настроенія революціонной среды, мы находимъ признаніе, что хотя „самый фактъ замѣны самодержавнаго правительства конституціоннымъ... совершенно безразличенъ для соціалистовъ“ и хотя конституція „всегда служитъ орудіемъ въ рукахъ буржуазіи для угнетенія народныхъ массъ“, но, тѣмъ не менѣе, „политической переворотъ долженъ представляться желательнымъ“. Годомъ рѣшительнѣе былъ призывъ къ „политикѣ“ въ неподписанномъ „Летучемъ Листкѣ“ (№ 1, апр., 1878 г.), принадлежавшемъ перу Н. К. Михайловскаго и комментировавшемъ оправданіе судомъ пріяженыхъ В. Засуличъ. „Выходъ... указываетъ само положеніе вещей... Разрозненные, беспорядочные факты должны быть возведены въ принципъ. Принципъ этотъ называется: конституція, земскій соборъ“. Если земскій соборъ не будетъ созванъ, „въ странѣ долженъ возникнуть тайный комитетъ общественнаго спасенія“.

Очевидно, идея о такомъ тайномъ комитѣтѣ носилась въ воздухѣ. Террористические акты этого года сопровождались воззваніями отъ имени „Исполнительного комитета соціально-революціонной партіи“, — группы южныхъ бунтарей во главѣ съ В. Осинскимъ и другими.

Начавшій выходить съ октября 1878 года въ Россіи офиціальный органъ революціонной партіи („Земля и Воля“) долженъ бытъ дать принципіальное основаніе фактическому повороту въ движениі. Въ началѣ онъ пытается стать на точку зрѣнія политического опрavданія террористическихъ актовъ, отказываясь признать ихъ цѣлесообразнымъ средствомъ борьбы. „Есть признаки, показывающіе возможность... увлеченія этого рода борьбой“, говорится въ 1-мъ №. „Мы должны помнить, что не этимъ путемъ добьемся освобожденія рабочихъ массъ. Съ борьбой противъ основъ существующаго по-

рядка терроризація не имѣть ничего общаго. Противъ класса можетъ возстать только классъ. Поэтому главная масса нашихъ силъ должна работать въ средѣ народа". Тутъ же террористы признаются „охранительнымъ отрядомъ", имѣющимъ задачей защищать эти главные силы отъ репрессій врага.

Но стихійное развитие террора и его дѣйствіе на общество свидѣаютъ „землевольцевъ" съ этой позиціи. Въ № 2—3 „Листка З. и В.", вышедшемъ въ мартѣ 1879 года, уже заявляется, что терроръ— „одинъ изъ лучшихъ агитационныхъ пріемовъ". Вскорѣ послѣ того послѣдовалъ подготовленный членами партіи выстрѣлъ Соловьевъ— покушеніе на цареубійство, которое уже никакъ не втискивалось въ рамки „самозащиты", направленной противъ охранительныхъ и ре- прессивныхъ органовъ власти. Такъ, на эволюціи взглядовъ самихъ „землевольцевъ" оправдывалось заявленіе въ № 1 ихъ органа о томъ, что „дѣлу Засуличъ суждено быть однимъ изъ поворотныхъ пунктовъ въ исторіи русской революції". Но не такова была судьба другого сдѣланного также предсказанія о такомъ же значеніи для дѣянія „чирибинскаго дѣла". Газета полагала, что примѣръ этого дѣла поставитъ на прочныя основанія агитацию въ деревнѣ, указавъ практическій путь для пріобрѣтенія вліянія на крестьянскія массы посредствомъ организаціи ихъ борьбы во имя ближайшихъ мѣстныхъ аграрныхъ нуждъ. Къ этой мысли газета возвращалась неоднократно, подчеркивая необходимость внесенія большей практическости и почвенности въ агитацию среди крестьянъ. На дѣль же, какъ указано выше, притокъ силъ въ деревню ослабѣвалъ, и успѣхъ работы осѣвшихъ въ деревнѣ представлялся незначительнымъ.

Отстаивая принципы бакунинскаго бунтарства, „Земля и Воля" усиленно подчеркивала свое отрицательное отношение къ якобинскимъ мечтамъ о „захватѣ власти" и свое нарочитое пренебреженіе къ либеральному конституционализму. Но, отрицая въ программной статьѣ 1-го № серьезное значеніе за либеральными движеніемъ, газета все же осторожно прибавляла: „Наши отношенія къ нимъ (конституционалистамъ) опредѣляются, когда они выступятъ, какъ дѣйствующая партія".

Революционерамъ, конечно, было известно, что въ либеральной средѣ происходит известное броженіе, свидѣтельствовавшее о нѣ- которой вѣроятности такого выступленія конституционалистовъ, какъ „дѣйствующей партіи". Дѣйствительно, въ земскихъ кругахъ пере- довые элементы стали шевелиться. Черниговское, харьковское и нѣ- которая другія земства выступили съ адресами, въ которыхъ говорилось о необходимости политическихъ реформъ и невыносимости режима безправія. Съ еще большей силой возраставшее полити- ческое броженіе въ интеллигентской демократіи явно свидѣтельство- вало о томъ, что агитация и боевыя дѣйствія революционеровъ дѣ- лаютъ ихъ серьезнымъ общественнымъ факторомъ именно въ той мѣрѣ, въ какой они возбуждаютъ въ известныхъ слояхъ населенія надежды на измѣненіе режима въ конституціонномъ духѣ.

Противорѣчіе между исходными посылками бакунизма и объек- тивнымъ положеніемъ, въ которое попали бакунисты, должно было привести къ внутреннимъ треніямъ въ самомъ революціонномъ ла- герѣ. Послѣ выстрѣла Соловьевъ „деревенщики", какъ назывались правовѣрные бакунисты, начали возставать противъ усиливающейся роли „дезорганизаторской", т.-е. террористической, дѣятельности, какъ ведущей къ отказу отъ агитации въ народѣ и носящей явно- политической характеръ. На происшедшемъ лѣтомъ 1879 г. съездѣ партіи въ Воронежѣ произошелъ расколъ; „политики" образовали партію „Народной Воли", открыто поставившую своею цѣлью поли- тический переворотъ. Публицисты партіи первоначально старались доказать, что революціонеры лишь прибавили новое средство къ прежнимъ средствамъ борьбы противъ всего существующаго строя; что они не отказываются отъ первоначальной народнической концеп- ціи и что созывъ учредительного собранія, который партія написала на своеѣ знамени, будетъ лишь прологомъ къ всеобщему мужиц- кому бунту и уничтоженію основъ капиталистическихъ отношеній. Но постепенно въ „народовольческой" литературѣ стали слышаться другія ноты. Въ написанныхъ Н. К. Михайловскимъ „политическихъ письмахъ соціалиста" революціонеры приглашаются отдаляться отъ народническаго предразсудка объ опасности политической свободы для народнаго дѣла. „Вы боитесь конституціоннаго режима въ будущемъ, потому что онъ принесетъ съ собою ненавистное иго буржуазіи. Оглянитесь: это иго уже лежитъ надъ Россіей" при абсолютизмѣ. „Отстраняясь отъ политической борьбы, задержали ли вы развитие буржуазіи? Нѣтъ, вы помогли ему, потому что чѣмъ само- державиѣ исправникъ, тѣмъ легче кулаку грабить". Вмѣстѣ съ пред- разсудкомъ противъ политической свободы Михайловскій разби- ваетъ и остатки вѣры въ возможность народнаго возстанія. „Люди революціи разсчитываютъ на народное возстаніе. Это — дѣло вѣры. Я не имѣю ея" *). Михайловскій идетъ дальше и критикуетъ баку- нистское отношение къ либеральной оппозиціи. „Союзъ съ либера- лами тоже не страшенъ, если вы вступите въ него честно и безъ лицемѣрія объявите имъ свой святой девизъ „Земля и Воля". Они къ вамъ пристанутъ, а не вы къ нимъ... Я думаю, что многіе либе- ражи гораздо ближе къ вамъ, чѣмъ вамъ кажется". Терроръ не есть тактика, носящая специфическій соціалистический характеръ: „это просто особый родъ борьбы, къ которому прибѣгаютъ и аристократы, и клерикалы, и либералы, и просто интриганы **).

Аналогичные ноты звучатъ и въ легальной публицистикѣ 1879—81 гг. Народническая литература становится радикальнымъ авангардомъ всей оппозиціонной печати, требующей развитія реформъ 60 гг. и „увѣнчанія зданія".

*) „Н. Воля" № 2.

**) „Н. В." № 3.

Принципіальний антагонізмъ между интеллигентской демократії и имущимъ либерализомъ, столь рѣзко выступавшій въ на- чалѣ десятилѣтія, тѣмъ самymъ почти совершенно сглаживается, а сама легальная народническая публицистика играетъ роль моста, соединяющаго революціонную партію съ ея грозной боевой тактикой, „отщепенской“ идеологіей и въ значительной мѣрѣ еще бунтарской фразеологіей—съ лагеремъ либеральной оппозиціи, быстро мобилизующейся въ атмосферѣ всеобщаго возбужденія, вызванного успѣхами террористовъ. Съ 1878 года начинаются тайные совѣщенія и сѣѣзы болѣе рѣшительныхъ земскихъ дѣятелей; въ нѣкоторыхъ земствахъ происходятъ дебаты о политическомъ положеніи и формулируются политическая требованія имущаго общества. Эти либеральные выступленія побуждаютъ правительство, сильно испуганное успѣхами террора, начать въ 1880 году эру заигрыванія съ „обществомъ“. Такимъ образомъ, революціонная партія, обанкротившаяся въ своей попыткѣ вызвать крестьянскую соціалистическую революцію, въ короткое время своей политической борьбы выполнила задачу, которую, по объективнымъ условіямъ, она только и могла выполнить: своей атакой она подготовила почву для политического выступленія наиболѣе вліятельныхъ слоевъ имущихъ классовъ, обладавшихъ элементами организаціи (земское и городское самоуправліеніе) въ рамкахъ самого пореформенного строя и имѣвшихъ серьезнаго союзника въ широкихъ кругахъ интеллигентской демократіи. События, однако, показали, что либеральное общество не обладало достаточной зрѣльностью, чтобы использовать создавшееся положеніе. Въ комедіи, инсценированной гр. Лорисъ-Меликовымъ, оно оказалось одураченнымъ. Никакой серьезной борьбы за политическую свободу оно не предприняло и, ограничившись нѣсколькими скромными петиціями земскихъ собраній, не сдѣлало никакихъ дѣйствительныхъ шаговъ къ возбужденію агитациіи въ болѣе широкихъ слояхъ населенія. Нѣкоторые попытки либераловъ столкнуться съ революціонной партіей о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ не имѣли сколько-нибудь значительныхъ послѣдствій. Послѣ 1 марта 1881 года либеральные элементы пришли въ замѣшательство передъ контръ-революціонной волной, поднявшейся изъ среды реакціонныхъ слоевъ дворянства и мѣщанства (образованіе „Священной дружины“, антиеврейскіе погромы), и не сумѣли воспользоваться моментомъ смятенія въ правящихъ сферахъ. Когда въ томъ же году М. Драгомановъ основалъ за границей „Вольное слово“, оно не встрѣтило прочной поддержки въ земскихъ и академическихъ кругахъ имущаго либерализма, а образовавшееся въ Россіи тайное общество „Земской Союзъ“ вскорѣ же замерло.

Въ свою очередь, натолкнувшись на незрѣлость и апатію имущей оппозиціи и къ этому времени уже сознательно отказавшись отъ попытокъ прямого воздѣйствія на народныя массы, революціонная партія послѣ 1 марта быстро склонилась къ упадку и къ 1884 году

исчезла подъ ударами полиції. Послѣдній этапъ въ ея развитіи ознаменованъ попыткой организовать офицерскій заговоръ. Въ немногочисленныхъ кружкахъ оппозиціоннаго офицерства партія „Народ. Воли“ нашла единственный боевой элементъ изъ общества, въ традиціонной разночинско-интеллигентской среды.

Паденіе революціонной партіи „Н. Воли“ было, вмѣстѣ съ тѣмъ, и крахомъ всего народничества. Широкіе круги демократической интеллигенціи были глубоко деморализованы и разочарованы въ „политикѣ“ и въ своей собственной героической миссіі. Скромное „культурчество“ на службѣ у либеральной части имущихъ классовъ—подъ этимъ знакомъ выступила оставшаяся върною народничеству часть интеллигенціи въ сѣющую эпоху 80-хъ годовъ.

Теоретическимъ провозвѣстникомъ этого примиренія народничества съ „обществомъ“ и его отказа отъ революціи явился В. В. (Воронцовъ), экономическіе очерки котораго, печатавшіеся въ „Отеч. Зап.“ съ 1880 года, развивали фаталистическую идею немыслимости успѣховъ русского капитализма въ его борьбѣ съ натурально-общиннымъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Тогда какъ революціонное народничество 70-хъ гг., Н. К. Михайловскій и первоначальное народовольческо одинаково исходили изъ несомнѣнности движенія Россіи по пути капиталистического развитія и ставили себѣ задачей остановить это движение въ интересахъ трудящихся массъ,—въ статьяхъ В. В., оказавшихъ вліяніе и на позднѣйшую публицистику народовольцевъ (Л. Тихоміровъ), государственное „насажденіе“ капитализма рисуется какъ безплодная растрата средствъ, какъ утопическая политика, разбивающаяся о живучесть и способность къ самостоятельному развитію устоевъ русского народа. Тѣ оппортунистичекія ноты, которые слышались въ началѣ 70-хъ гг. въ народнической публицистикѣ „Отеч. Зап.“ и иногда пробивались въ статьяхъ Михайловскаго, окрашиваются уже всю схему В. Воронцова: задача эманципаціи крестьянства отъ капитализма для него лишена всякаго революціонного содержанія и сводится къ логическому продолженію той государственной политики, которая совершила въ 1861 г. „освобожденіе крестьянъ съ землей“. Охранительная экономическая политика, направленная къ защитѣ общинного землевладѣнія, развитію кустарного производства и артелей, мыслится въ рамкахъ наличныхъ классовыхъ отношеній, не требуя ни низверженія экономически гospодствующаго класса, ни коренного политическаго преобразованія.

IV.

Лiberализъ, націонализъ и реакціонныя теченія.

Рядомъ съ яркой и полной идеалистического воодушевленія публицистикой разночинной демократіи либеральная публицистика 70-хъ гг. представляется блѣдной и тусклой. Главный ея органъ—

„Вѣстникъ Европы“,—имѣвшій въ своей средѣ двухъ крупныхъ публицистовъ: А. Н. Пыпина и К. К. Арсеньева, и рядъ ученыхъ и даровитыхъ сотрудниковъ, ни на одинъ моментъ не могъ стать властителемъ думъ читающей публики. Передъ поднятыми радикальной публицистикой вопросами о направлении общественного развитія Россіи, двигавшими русскую мысль дальше по пути, проложенному Герценомъ и Чернышевскимъ, отстаиваніе бука въ стараго „западничества“ противъ эпигона въ славянофильства представлялось анахронизмомъ; и старомодный сюртукъ, въ которомъ выступалъ западническій либерализмъ, мѣшалъ читателямъ уловить ту ноту здороваго и основательнаго буржуазнаго скептицизма, который иногда слышенъ былъ въ либеральной критикѣ народническихъ идей. Въ непосредственно-политической области журналъ защищалъ консервативную позицію, выступая неизмѣннымъ адвокатомъ реформъ 60-хъ гг. и созданныхъ имъ учрежденій противъ бюрократической и крѣпостнической реакціи; но подъ этой защитой, сопровождавшейся умѣренной конституционалистской пропагандой, не было цѣльного основанія ни въ фритредерски-индивидуалистской, ни въ радикально-демократической идеологии, характерныхъ для освободительной эпохи. Въ то время, какъ первая стала знаменемъ активныхъ элементовъ буржуазіи періода хищническаго „первоначального накопленія“, а вторая, принявъ революціонно-народническій характеръ, повернулась противъ „культурнаго общества“, публицистика доктринерскаго либерализма заняла промежуточное положеніе между буржуазіей и разночинной демократіей и могла опираться лишь на немногочисленные кружки просвѣщенныхъ помѣщиковъ и бюрократовъ. Къ концу десятилѣтія, по мѣрѣ того, какъ революціонное движение интеллигенції пріобрѣтало непосредственно-политическій характеръ и стало оказывать возбуждающее вліяніе на общество, либеральная публицистика почувствовала подъ ногами нѣкоторую почву и стала выступать увѣреннѣе какъ въ своей оппозиціи правительству, такъ и въ своей критикѣ революціоннаго русскаго соціализма и европейскихъ соціалистическихъ доктринъ (статьи А. Градовскаго, Чичерина, Ю. Жуковскаго). Научная цѣнность этой критики представляется, однако, весьма невысокой. Въ политической же области именно эта одновременная борьба на два фронта—противъ реакціи и противъ соціализма—обезсиливалась энергію либеральной оппозиціонной печати, которая, не имѣя за собою организованной и самостоятельно борющейся общественной силы, постоянно сбивалась съ требованій общественного контроля и политическихъ реформъ на предложеніе государству услугъ „общества“ для успешной борьбы съ „крамолой“. Это обстоятельство, конечно, лишало либеральную печать возможности пріобрѣсти моральный авторитетъ въ широкихъ кругахъ интеллигентской демократіи.

Въ періодъ ожесточенной борьбы революціонеровъ съ правительствомъ въ концѣ 70-хъ годовъ либералы, даже самые передовые изъ

нихъ, не рѣшались сколько-нибудь открыто солидаризироваться съ стремленіями революціонной партіи, которыя выражали собою наущнѣйшія потребности общенационального развитія. Въ проектѣ адреса, предложенномъ черниговскому земскому собранію И. И. Петрункевичемъ, говорилось: „Борьба съ разрушительными идеями была бы возможна лишь въ томъ случаѣ, если бы общество располагало соответственными орудіями. Эти орудія: слово, печать, свобода мнѣній и свободная наука. Общественаго мнѣнія не существуетъ, ибо нѣтъ органа для его выраженія, нѣтъ печати, которая, руководясь не страхомъ административныхъ взысканій, грозящихъ ей, а имѣя въ виду интересъ общества, его мирное развитіе, его насущныя потребности и возможныя опасности, пробуждала бы чувство самостоятельности, чувство самосохраненія и поддержанія основъ, на которыхъ зиждется государственный строй“. Полтавское земство требовало организаціи народнаго представительства для того, чтобы „вырвать зло съ корнемъ и побороть пропаганду, предпринятую врагами правительства и общества“. Харьковское земство, писавшее въ своемъ адресѣ: „дай Твоему народу то, что Ты далъ болгарамъ“, заявляло въ то же время о своемъ намѣреніи „бороться за общественный порядокъ, собственность, семью и вѣру“. Эта склонность мотивировать требование политической свободы интересами болѣе успѣшной борьбы съ революціонными стремленіями демократіи вызывала неудовольствие не только органовъ революціонной печати, но и тѣхъ болѣе рѣшительныхъ либераловъ, которые группировались въ „Земскую Лигу“ (позднѣе преобразовавшуюся въ „Земскій Союзъ“). Они между прочимъ писали въ брошюрѣ „Ближайшія задачи земства“: „Мы думаемъ, что полтавское и харьковское земства стали на ложный путь. Какія конституціонныя блага мы посулимъ русскому народу, если напередъ обязуемся душить и истреблять людей, ими живущихъ?“

Кромѣ указанныхъ земствъ, въ 1878 году конституціоналистская заявленія сдѣлали еще самарское и тверское. Правительственные репрессіи на время пріостановили это движение.

Назначеніе диктаторомъ гр. Лорисъ-Меликова (послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ 5 февраля 1880 года) вызвало новое броженіе въ либеральной средѣ. Поданная 25 марта того же года правительству записка двадцати пяти московскихъ „именитыхъ гражданъ“ требовала „созванія независимаго собранія изъ представителей земствъ и предложенія этому собранію участія въ управлѣніи націей и въ выработкѣ необходимыхъ гарантій для правъ личности, свободы мысли и слова“. Рядъ земствъ въ своихъ заявленіяхъ по поводу предполагавшихся правительствомъ экономическихъ и административныхъ реформъ дѣлали указанія о невозможности проводить частичныя реформы виѣ связи съ реформой „общаго строя нашей жизни“. Отдельные земства (самарское, тверское, тульское) говорили о необходимости самыя реформы подвергнуть предварительному разсмотрѣнію представителей насе-

ленія; но прямыхъ конституционалистскихъ заявлений въ теченіе 1880—81 гг. вплоть до 1 марта земствами не дѣлалось. Какъ писаль Ю. Скалонъ*), „земскіе представители обнаружили большую умѣренность: полагаясь на мудрость и благонамѣренность власти, они не заявляли никакихъ требованій, воздерживались отъ всякихъ указаний на желательныя реформы. Глубокая вѣра въ прочность установленнаго порядка заставляла ихъ терпѣливо ожидать мѣропріятій со стороны самого правительства“.

Эта вѣра подверглась большому испытанію, когда катастрофа 1 марта 1881 года привела къ крайнему обостренію борьбы правительства съ „Народной Волей“. Въ первый моментъ, подъ впечатлѣніемъ событія столичныхъ либеральныхъ газеты говорили довольно рѣшительно: „Государь!.. спросите Вашу землю въ лицѣ излюбленныхъ людей“, писаль органъ г. Стасюлевича „Порядокъ“. Другая либеральная газета, органъ Л. Полонского, котораго впослѣдствіи С. Южаковъ характеризовалъ, какъ представителя буржуазнаго индивидуалистического и фритредерскаго радикализма—„Страна“—писаль въ своей конституционалистской статьѣ: „Личность русскаго царя да служить впредь только вполнѣ симпатичнымъ символомъ нашего національного единства“.

Въ отдѣльныхъ заявленіяхъ земствъ (рязанское, новгородское, самарское, тверское, казанское, таврическое, херсонское, харьковское, полтавское, бессарабское, смоленское, владимірское, петербургское, псковское, костромское, солигалическое), дворянскихъ собраний (черниговское, петербургское, самарское) и городскихъ думъ (казанская, череповецкая) вновь раздается требованіе созыва „представителей земли“, опять таки соединяющее съ обѣщаніемъ помочи правительству въ его „борьбѣ съ крамолой“. Но уже на правомъ флангѣ либерального лагеря начиналось отступленіе. Такіе видные представители либеральной науки, какъ А. Д. Градовскій и Б. Н. Чичеринъ, подавали гр. Лорисъ-Меликову записки, доказывавшія нежелательность или несвоевременность введенія конституціи и необходимость ограничиться реформой бюрократическаго абсолютизма. Чичеринъ писаль: „власти необходимо прежде всего показать свою энергию, доказать, что она не свернула своего знамени передъ угрозой. Монархическій порядокъ совмѣстимъ съ свободными учрежденіями лишь тогда, когда они являются плодомъ мирнаго развитія, спокойной иниціативы самой верховной власти“. Правое крыло земско-либерального лагеря готово было удовлетвориться тѣмъ совѣщательнымъ представительствомъ земцевъ въ Государственномъ Совѣтѣ, которое проектировалъ Лорисъ-Меликовъ. Но вскорѣ послѣ 1 марта Лорисъ-Меликовъ палъ, и надежды на эту реформу разлетѣлись прахомъ.

Крайнее лѣвое крыло земцевъ, группировавшееся въ тайномъ „Земскомъ Союзѣ“, съ августа 1881 года стало выпускать въ Же-

невѣ „Вольное Слово“. Его программа требовала демократической конституціи на основѣ всеобщей подачи голосовъ и федеративной организаціи государства.

По мѣрѣ того, какъ выяснялась слабость революціонной партіи и ея неспособность побѣдить собственными силами, либеральная среда, на которую все больше обрушивались правительственные гоненія, приходила въ замѣшательство. „Вольное Слово“ сошло со сцены еще раньше, чѣмъ прекратилось изданіе органовъ эмигрантской печати революціоннаго крыла. „Земскій Союзъ“ распался къ 1884 году. Не имѣя подъ собою прочной базы въ лицѣ однороднаго экономически-прогрессивнаго класса населенія, либерализмъ 70-хъ гг., связанный съ земскими кругами и высшими слоями городской интеллигенціи, не могъ развиться въ серьезную политическую силу и выработать устойчивую идеологію, могущую въ какой-нибудь мѣрѣ соперничать съ идеологіей народнической демократіи.

Еще болѣе рѣзко выступали тѣ же черты политической безхарактерности и оппортунизма въ ежедневной умѣренно-прогрессивной печати, обслуживавшей средняго городскаго обывателя и до извѣстной степени отражавшей процессъ его общественнаго роста.

„Прежняя либеральная литература“, писаль въ 1872 году Н. К. Михайловскій о печати 60-ыхъ гг.,—имѣла передъ собой ясно поставленную живую цѣль, около которой, какъ около центра, группировались всѣ побочные вопросы. Цѣль эта была — освобожденіе крестьянъ. Нынѣшняя либеральная литература такой ясной, осознательной цѣли не имѣть... Нельзя не видѣть еще одного громаднаго преимущества прежней либеральной литературы: она могла относиться къ своей цѣли безусловно правдиво и искренно, ибо на цѣли этой не было и нѣть ни малѣйшаго пятна, въ ней не было и нѣть ни малѣйшей раздвоенности. Теперь либеральная литература не смѣеть прямо взглянуть въ лицо будущему. Она не можетъ быть искрenna, потому что тѣ общія мѣста и расплывающіяся неопределенности, которая составляютъ для нея суррогатъ осознательной цѣли, значительно зачернены какъ самимъ ходомъ европейской исторіи, такъ и многочисленными разъясненіями его и въ европейской и въ русской литературѣ. Всѣ мы очень хорошо знаемъ, что политическая и экономическая свобода въ Европѣ оказалась новымъ видомъ рабства народа, что „національное богатство“ оказалось тамъ нищетой народа и проч. Спрашивается: въ какой мѣрѣ горячо и искренно можетъ преслѣдоваться литература эти цѣли? Благодаря этой раздвоенности русская либеральная литература оказалась въ положеніи Буриданова осла, который стоитъ между двумя связками и не знаетъ, за которую изъ нихъ схватиться. Но такъ какъ, проголодавшись, осель все-таки долженъ сдѣлать выборъ, то и русская либеральная литература выбираетъ себѣ, наконецъ, извѣстный путь, все-таки косясь, однако, на другую связку сѣна. Отсюда мелочность, несмѣлость и, скажемъ прямо, нечестность современной русской ли-

*) Минія земскихъ собраний и т. д.

тературы". И Михайловский далъе ставить этотъ межеумочный характеръ либеральной публистики въ связь съ отсутствиемъ за нею "сильной, богатой, образованной буржуазіи", которая имѣется въ Западной Европѣ.

Вліятельные органы этой либеральной прессы— „Петербургскія Вѣдомости“, „Голосъ“, „Новое Время“—при общемъ прогрессивномъ направлениі занимали опредѣленно-враждебную позицію по отношенію къ той единственной рѣшительной борьбѣ, которая велась крайней демократіей. Только послѣ оправданія В. Засуличъ петербургскимъ судомъ присяжныхъ нѣкоторые изъ либеральныхъ органовъ въ теченіе короткаго времени подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія пытались заговорить о революціонномъ движениі болѣе независимымъ языкомъ. Обычно же сервилизмъ этой прессы и ея полное непониманіе объективнаго значенія совершившейся борьбы дѣлали ее, несмотря на ея антагонизмъ къ правительльному режиму, его союзникомъ въ борьбѣ съ демократическимъ движеніемъ.

Въ срединѣ десятилѣтія та же пресса, значительно болѣе распространенная и вліятельная, чѣмъ пресса реакціонная, стала проводникомъ націоналистическихъ стремленій и завоевательныхъ плановъ бирократіи.

Старое романтическое славянофильство къ этому времени сошло со сцены. Эпигоны славянофильства превратились въ реакціонныхъ панславистовъ, преслѣдовавшихъ имперіалистскія цѣли. Ихъ вліяніе въ началѣ 70-ыхъ гг. распространялось лишь на нѣкоторые бирократические и интеллигентскіе круги и не шло далъе. Только къ Т. М. Достоевскому, вводившему кое-какіе народническіе элементы въ свое мистическое міросозерцаніе, прислушивалась болѣе широкая аудиторія.

Балканское движение измѣнило положеніе славянофиловъ въ русскомъ обществѣ. Въ то время какъ среди радикальной молодежи движенія балканскихъ славянъ вызвали совершенно опредѣленныя симпатіи, какъ возстанія народныхъ массъ противъ тиранической государственной власти, въ широкихъ кругахъ имущихъ классовъ они были привѣтствуемы, какъ эпизоды борьбы за расширение сферы политическаго вліянія Россіи. Испирируемыя дипломатическими сферами, славянофильскія группы развернули довольно сильную агитацию, подъ вліяніемъ которой впослѣдствіи правительство рѣшилось на войну съ Турцией. Либеральная пресса въ значительной своей части примкнула къ поднятой славянофилами агитациіи и способствовала тому, чтобы свободолюбивыя тенденціи, вносившіяся частью интеллигенціи въ славянское дѣло, были заглушены консервативнымъ націонализмомъ.

Славянофильскія надежды были безжалостно разбиты берлинскимъ трактатомъ, сдѣлавшимъ Россію, вмѣсто освободительницы славянъ отъ германизма, вассаломъ прусской монархіи. Но націоналистическая агитация, поднятая вокругъ „славянского дѣла“, не про-

шла безслѣдно: если само славянофильство съ того времени окончательно клонится къ упадку, то закладываются основанія болѣе безпринципнаго, но и болѣе практическаго современного русскаго націонализма, враждебно обращеннаго не столько противъ сосѣднихъ государствъ, сколько противъ не-русскихъ народностей, населяющихъ Россію. Со временемъ русско-турецкой войны видное вліяніе на общественное мнѣніе мѣщански-бирократической среды начинаетъ пріобрѣтать „Новое Время“ Суворина, постепенно вырабатываемое въ патентованый органъ воинствующаго русскаго націонализма, ведущій за собою цѣлый рядъ аналогичныхъ органовъ провинціальной печати, въ которыхъ находить свое выраженіе глухая борьба національныхъ группъ имущихъ классовъ окраинъ. Антисемитизмъ и полонофобія—а впослѣдствіи и травля финновъ и армянъ—становятся изъ простыхъ, болѣе или менѣе побочныхъ, аксессуаровъ реакціонной идеологии самостоятельными общественными теченіями, коренящимися въ условіяхъ жизни, порожденныхъ вялымъ развитіемъ капитализма и отсутствиемъ путей для развитія классовой самодѣятельности. Связь этихъ идейныхъ теченій, образовавшихъ русскій націонализмъ послѣднихъ десятилѣтій XIX-го вѣка, съ стихійными стремленіями относительно широкихъ круговъ населенія сказалась въ томъ фактѣ, что въ теченіе нѣкотораго времени либеральная печать (напр., „Голосъ“) отчасти сама не чужда была антисемитскихъ тенденцій; а въ 1-ой половинѣ 80-ыхъ годовъ въ прогрессивныхъ органахъ печати и по еврейскому и по польскому вопросу встрѣчаются крайне реакціонныя сужденія *). Лишь впослѣдствіи, когда роль націонализма, какъ главнаго орудія вліянія реакціонныхъ сферъ на извѣстные слои населенія стала очевидна, начало намѣчаться и болѣе принципіальное отношеніе либерализма къ вопросамъ внутренней національной борьбы.

Съ появлениемъ на сцену воинствующаго націонализма реакціонные верхи общества и бирократіи пріобрѣтаютъ извѣстную точку опоры въ тѣхъ среднихъ и низшихъ слояхъ городскаго населенія, на завоеваніе которыхъ разсчитывали либерализмъ и революціонная демократія. Соответственно этому перерождается въ нѣкоторой мѣрѣ и политическая идеология реакціонныхъ представителей правящихъ группъ. Въ теченіе 70-ыхъ гг., съ исчезновеніемъ скрятинской „Вѣсти“, убѣжденно пропагандировавшей господство земельной аристократіи, русская консервативная идеология, въ лицѣ М. Каткова и особенно К. Леонтьева, стоитъ на почвѣ полнаго поглощенія личности всемогущимъ бирократическимъ государствомъ. Если она защищаетъ сословный строй и сословныя привилегіи, то дѣлаетъ это не во имя интересовъ тѣхъ или другихъ общественныхъ группъ, но во имя охраненія государственного порядка, т.-е. господ-

*) Отмѣтимъ статьи С. Н. Южакова, противъ которыхъ выступилъ (по евр. вопросу) Н. В. Шелгуновъ.

ства бюрократії. Въ идеологии Леонтьева и Каткова 70-ыхъ гг. бюрократический абсолютизмъ выражалъ свою побѣду надъ общественными движениями 60-ыхъ гг., апогей своего возвышенія надъ обществомъ, въ которомъ соціальное могущество старого господствующаго класса было подорвано эпохой реформъ. По мѣрѣ того, какъ въ пореформенномъ обществѣ стали опредѣляться новыя движения, поколебавшія къ концу десятилѣтія общественный порядокъ, эта своего рода „надклассовая“ позиція абсолютизма становится анахронизмомъ. Отвергнувъ мечтательные проекты славянофиловъ объ организації „силы мнѣнія“ умѣренныхъ консервативныхъ элементовъ общества, представители интересовъ абсолютизма стали искать опоры въ обществѣ путемъ эксплоатации соціальныхъ и національныхъ противорѣчій разрозненныхъ и дезорганизованныхъ группъ населенія. Если, съ одной стороны, они выдвигаютъ „національную политику“ и тѣмъ получаютъ возможность опереться на нѣкоторая стихійная движения въ самомъ населеніи, то, съ другой стороны, выдвигается „дворянская“, „крестьянская“, „рабочая“ политика и, наконецъ, политика „покровительства отечественной промышленности“, при чемъ, напримѣръ, Катковъ энергично выступаетъ въ роли защитника домогательствъ крупной буржуазіи, которая умѣетъ использовать для себя поощряемый сверху мѣщанской націонализмъ. Наконецъ, и церковная политика абсолютизма пріобрѣтаетъ болѣе явный клерикальный характеръ.

Лишь по мѣрѣ того, какъ ослабѣваетъ революціонная опасность и стихаетъ общественное возбужденіе, вновь къ 90-ымъ годамъ бюрократія отчасти возвращается къ идеаламъ чистаго полицейского абсолютизма, чтобы снова, какъ въ концѣ 70-ыхъ гг., оказаться въ совершенно изолированномъ положеніи среди мобилизующихся къ концу вѣка общественныхъ силъ. Отражаясь на идеологии представителей реакціи, этотъ круговоротъ политики не давалъ ей окристаллизоваться въ сколько-нибудь стройную и послѣдовательную теорію русского абсолютизма.

V.

Кризисъ народничества.—Марксизмъ.

Черезъ бакунистское народничество къ народовольчеству русская демократическая интеллигенція прошла въ 70-ые годы путь отъ принципіального отрицанія своей руководящей роли въ процессѣ народной жизни къ самоутвержденію въ качествѣ единственного фактора, способного активно творить общественный прогрессъ. Неудача народовольческаго заговора явилаась, вмѣстѣ съ тѣмъ, и крушеніемъ всего субъективистско-народническаго міровоззрѣнія, которое въ разныхъ своихъ оттѣнкахъ идейно объединяло всю демократическую интеллигенцію 70-хъ гг. и единство котораго выражало объективную

возможность движенія этой интеллигенціи, какъ особой замкнутой общественной группы. Отнынѣ этого объективного единства движенія русской „интеллигенціи“ нѣть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезаетъ и единство общихъ основъ міровоззрѣнія. И въ то время, какъ среди большей части демократической интеллигенціи 80-хъ гг. происходилъ процессъ взаимнаго проникновенія утопического народничества и болѣе или менѣе буржуазнаго либерализма, другая, значительно меньшая часть этой интеллигенціи круто порвала съ основными посылками народническаго міросозерцанія и тѣмъ, одновременно возвращала себѣ идейную независимость и „отщепенское“ положеніе по отношенію къ имущему обществу. Идейное развитіе, продѣланное народниками въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ бурнаго общественного возбужденія, привело именно наиболѣе упорныхъ послѣдователей народнической ортодоксіи къ необходимости теоретическаго пересмотра всего идейнаго наслѣдія пореформенной интеллигенціи. Такъ изъ умирающаго революціоннаго народничества возникъ русскій соціаль-демократический марксизмъ, который въ слѣдующую эпоху общественного подъема замѣнилъ народничество въ роли идейнаго „гегемона“ среди различныхъ теченій прогрессивной мысли.

Имя Маркса съ самаго начала 70-хъ гг. стало пользоваться значительнымъ уваженіемъ среди русской читающей публики — и это несмотря на ея идейныя симпатіи къ бакунизму, который въ то время вель въ Европѣ безпощадную войну противъ марксизма. Уже въ 1872 году былъ переведенъ на русскій языкъ „Капиталъ“, и его критическимъ анализомъ противорѣчій капиталистического строя охотно пользовались народническіе писатели. Но философско-историческія идеи Маркса оставались чужды русской радикальной интеллигенціи. Тѣмъ не менѣе, литературные представители народничества, какъ въ „Отеч. Запискахъ“, такъ и въ „Землѣ и Волѣ“, считали уже нужнымъ ставить вопросъ о примѣненіи исторической концепціи Маркса къ судьбамъ русскаго народа и рѣшали его въ отрицательномъ смыслѣ, отмѣчая, по выраженію Михайловскаго, „трагическое положеніе русскихъ марксистовъ“, которымъ, какъ казалось народникамъ, пришлось бы способствовать хищническому русскому капитализму въ дѣлѣ обезземеленія крестьянъ и экспроприированія кустарей, чтобы только оставаться вѣрными „марковой догмѣ“ общественного развитія отъ частной собственности къ колектизму.

Междуду тѣмъ, знакомство съ текущей соціалистической публицистикой въ Зап. Европѣ постоянно наталкивало мысль русскихъ соціалистовъ на вопросъ объ отношеніи ихъ программъ и задачъ къ научнымъ принципамъ, установленнымъ Маркомъ и пріобрѣтшимъ все большее вліяніе въ западно-европейскомъ рабочемъ движеніи. Послѣ появленія книги Энгельса противъ Дюринга вниманіе отдельныхъ единицъ было привлечено и къ философско-исторической

сторонъ марксизма. Н. И. Зиберъ далъ (въ „Словѣ“) рефератъ объ этой книгѣ и въ другихъ статьяхъ выступилъ въ качествѣ сторонника экономического материализма. Нѣкоторые другіе публицисты, какъ, напр., Н. Русановъ (въ „Дѣлѣ“), также защищали материалистическое пониманіе исторіи.

Какъ выше указывалось, Бакунинъ въ своихъ построеніяхъ русской революціи пытался опереться на материалистическое пониманіе исторіи, но при этомъ крайне вульгаризировалъ учение Маркса, поскольку совершенно не усвоилъ себѣ его діалектической стороны. Благодаря ему наиболѣе вдумчивые изъ бакунистовъ-народниковъ были однако въ извѣстной мѣрѣ подготовлены къ дальнѣйшему углубленію въ теорію научнаго соціализма. Но для того, чтобы они сдѣлали рѣшительные шаги въ этомъ направленіи, необходимо было полное крушеніе революціоннаго народничества.

Стихійно совершившійся отказъ „землевольцевъ“ отъ прежняго пониманія „работы въ народѣ“ и послѣдовавшій затѣмъ ихъ сознательный разрывъ съ традиціоннымъ бакунистскимъ отношеніемъ къ „политикѣ“ оттолкнули отъ большинства революціонной партіи наиболѣе теоретически выдержаныхъ народниковъ. Г. В. Плехановъ и П. Б. Аксельродъ стали во главѣ недовольной части революціонеровъ и пытались образовать партію „Черный Передѣлъ“, которая оставалась бы цѣликомъ на почвѣ народническаго бунтарства. Но событія сдѣлали невозможнымъ развитіе этой партіи. Вопросъ политической борьбы заслонялъ собою всѣ остальные вопросы въ сознаніи той среды, въ которой дѣйствовали революціонеры. Самому „Черному Передѣлу“ — литературному органу этого направленія — пришлось, продолжая идейную борьбу противъ „якобинскихъ“ элементовъ народовольчества, отказаться отъ традиціоннаго бакунистскаго равнодушія къ борьбѣ за политическую свободу и поставить себѣ задачей дополнить политическую борьбу террористовъ агитацией въ народѣ, дабы конституціонный переворотъ могъ повлечь за собой соціально-революціонное движение крестьянъ. Сгруппировать вокругъ себя значительныя силы новой партіи не удалось и она скоро сошла со сцены. Но занятая ея лидерами скептическая позиція по отношенію къ новому зигзагу въ развитіи интеллигентской мысли позволила имъ уберечь себя отъ послѣдствій того теоретического разгрома, которому идеология семидесятниковъ подверглась виѣтъ съ политическимъ пораженіемъ народовольцевъ.

Для литературныхъ представителей „Чернаго Передѣла“ концентрація демократическихъ элементовъ города вокругъ народовольчества представлялась тѣмъ, чѣмъ она и являлась объективно, — первымъ политическимъ выступленіемъ нарождающейся буржуазной демократіи, созданной пореформеннымъ развитіемъ капитализма. Самоидеализація интеллигентіи въ идеологии „Н. Воли“ не могла скрыть этого факта отъ бакунистовъ, знакомыхъ съ процессомъ самоопределѣнія республиканской демократіи на Западѣ. Въ лицѣ

демократической интелигенціи русскій городъ выступалъ на тотъ путь борьбы за политическую реформу, который, какъ знали бакунисты изъ исторіи Запада, ведетъ къ ненавистной имъ „буржуазной свободѣ“ и къ открытію свободной дороги для всесторонняго развитія капитализма. Старое революціонное движение, исходившее изъ принципіального разрыва съ имущимъ „обществомъ“ и противопоставленія ему деревни, пришло къ примиренію съ обществомъ и руководству его борьбой противъ крѣпостническихъ путъ. Но политическая свобода, завоеванная „обществомъ“, какъ знали бакунисты, ведетъ непосредственно не къ соціальной эманципації „народа“, а къ его порабощенію буржуазіей. Приходилось или отказаться отъ поддержки ведшейся во имя политического преобразованія борьбы или пересмотрѣть теорію, согласно которой политический прогрессъ въ рамкахъ буржуазныхъ отношеній производства означаетъ непремѣнно соціальный регрессъ.

Такимъ путемъ мысль чернoperедѣльцевъ неизбѣжно шла къ новому анализу условій экономического развитія Россіи. Этотъ анализъ привелъ къ разрушенню народнической иллюзіи о незатронутости деревенского міра противорѣчіями капиталистического строя. Сама народническая литература, въ лицѣ бытописателей-беллетристовъ и экономистовъ-статистиковъ, подготовила богатый матеріаль, колебавшій всѣ прежнія представленія о цѣльности и прочности внутренняго строя деревенскихъ отношеній. Разматривая ихъ въ свѣтѣ нового опыта, чернoperедѣльцы убѣждались въ томъ, что для русскаго народа уже началась та экономическая исторія, дальнѣйшіе этапы которой они наблюдали въ передовыхъ странахъ Запада. Марксы, котораго въ 70-хъ гг. призывали лишь какъ свидѣтеля для обличенія золъ капиталистического строя, оказался теперь единственной надежной опорой для критики того поворота отъ народа, отъ задачъ соціальной эманципації, къ которому логически неизбѣжно привела бакунистская эпопея.

Разрывая окончательно съ бакунизмомъ, Плехановъ и Аксельродъ разрывали и съ прежними представленими о субъектѣ грядущаго народнаго движенія. Пока бакунистское народничество эволюционировало къ политическому народовольчеству, на фонѣ русской жизни явственно стала вырисовываться непредвидѣнныи и прямо отрицавшійся народническими теоріями соціальный классъ — пролетаріатъ, уже довольно рѣзко выдѣлявшійся изъ „сплошной“ массы крестьянства. Опытъ собственной пропаганды бунтарей среди городскихъ рабочихъ и — еще болѣе — стихійное стачечное движение конца 70-хъ гг. показали основателямъ с.-д. группы „Освобожденіе труда“, что и въ Россіи носителемъ передовыхъ идей соціального освобожденія долженъ быть стать создаваемый капитализмомъ пролетаріатъ. Въ первомъ же произведеніи новой группы („Соціализмъ и политическая борьба“ Плеханова), вышедшемъ въ 1883 году, боевой нотой прозвучалъ призывъ — вернуться къ западничес-

ской традиції, отказаться отъ принципіального противопоставленія Россії Европѣ, на которомъ, въ концѣ-концовъ, базировалось все движение демократической мысли въ 70-ые годы.

Образование самостоятельной рабочей партии для независимаго участія въ борьбѣ „общества“ и демократіи за политическую европеизацію Россіи — такъ формулирована была задача нового общественного направленія, появленіе котораго, само будучи симптомомъ значительной европеизации русскихъ общественныхъ отношеній, внесло первую глубокую брешь въ традиціонное идеологическое единство интеллигентской демократіи.

А черезъ 2 года послѣ появленія „Соціализма и политической борьбы“ М. Н. Катковъ констатировалъ по поводу событий на фабрикѣ С. Морозова, что рабочій вопросъ народился въ Россіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Художественная литература и критика 70-хъ годовъ.

И. Н. Игнатова.

I.

Въ преддверіи семидесятыхъ годовъ, у порога возникающаго общественного движения, стоять два произведенія, игравшія большую роль въ міровоззрѣніі дѣятелей того времени: „Історическая письма“ Лаврова и „Что такое прогрессъ?“ Михайловскаго. Ни историкъ общественного движения, ни историкъ литературы того времени не могутъ пройти мимо этихъ произведеній, не могутъ не поставить ихъ въ основу своихъ изслѣдованій, ибо въ нихъ найдутъ они и теоретическое обоснованіе нового ученія и практическія указанія, которыми въ своей дѣятельности руководились семидесятники.

„Письма“ Лаврова и статья Михайловскаго важны для историка литературы, какъ своего рода записная книжка, куда были занесены мысли и чувства людей семидесятыхъ годовъ. Идея долга народу, ясно формулированная Лавровымъ, уже зарождалась въ душѣ будущихъ дѣятелей семидесятыхъ годовъ не какъ идея, не какъ продуктъ извѣстнаго умственнаго процесса, а какъ результатъ работы совѣсти, какъ явленіе нравственнаго порядка. Смутная и безсознательная сначала, она развивалась, крѣпла, заслоняла всѣ другія соображенія и чувства и въ концѣ-концовъ опредѣляла поступки такъ же, какъ подсказывала направленіе литературной дѣятельности *).

*) Мы не напоминаемъ соціальныхъ и политическихъ условій, которые привели къ этой работе совѣсти и создали изъ интеллигента, въ его собственномъ сознаніи, вѣчного должника народу. Новая хозяйственная условія, въ которыхъ жила преобразованная Россія, ясно опредѣлившаяся правительственная реакція, послѣдовавшая за кратковременнымъ періодомъ реформъ и находившаяся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ожиданіями прогрессивной части общества, играли такую огромную роль во всемъ строѣ общественной мысли въ 70-хъ годахъ, что безъ подробнаго изложенія этой связи невозможно пониманіе характернѣйшихъ сторонъ общественного движения эпохи 70-хъ гг. Но именно потому, что такое изложеніе должно быть сделано при описаніи обществен-

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ТОМЪ IV.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ (1868—1883).

	Стр.		Стр.
ГЛАВА I.			
Общественныя и умственныя		Роль критически мыслящей личности	
течения 70-хъ годовъ.		въ исторії	109
Л. Мартова.		Вліяніе ученія Маркса на Лаврова	110
Состояніе общества	1	Субъективный методъ	114
Народничество	13		
Торжество политики надъ соціальнымъ			
утопизмомъ	34		
Либерализмъ, национализмъ и реакці-			
онныя течения	41		
Кризисъ народничества.—Марксизмъ .	48		
ГЛАВА II.			
Художественная литература и		2.	
критика 70-хъ годовъ.		Николай Константиновичъ	
И. Н. Игнатова.		Михайловскій.	
Идея долга народу и теорія разумнаго		Н. С. Рusanova.	
эгоизма	53	Отношеніе формъ общественности къ	
Идеализація деревни и ея „устоеевъ“.	57	судьбамъ личности. Формула про-	
„Отечественныя Записки“	60	гресса	118
Роль Щедрина-Салтыкова въ дѣлѣ раз-		Субъективный методъ	122
рушенія старого міра	63	Михайловскій, какъ публицистъ	124
Первые народники-беллетристы	68	Михайловскій, какъ художественный	
Успенскій и переломъ въ настроеніи		критикъ и белетристъ	127
народничества	73		
Литература конца 70-хъ годовъ	80		
„Анна Каренина“ и „Бѣсы“	91		
Художественная и публицистическая			
критика	96		
ГЛАВА III.			
1.			
Петръ Лавровичъ Лавровъ.		ГЛАВА IV.	
Н. С. Рusanova.		Тенденціозная беллетристика	
Вліяніе Лаврова на міросозерцаніе		70-хъ годовъ.	
русской интеллигенціи	104	И. И. Замотина.	
Человѣческая личность, какъ центръ		Два лагеря въ тенденціозной белле-	
міровоззрѣнія Лаврова	106	тистики	129
ГЛАВА V.			
		И. И. Замотина.	
		Два лагеря въ тенденціозной белле-	
		тистики	129
		Историческое значеніе тенденціозной	
		беллетристики	131
		Шеллеръ-Михайловъ, Федоровъ-Ому-	
		левскій, Станюковичъ, Хвощинская. 132	
		Тенденціозная беллетристика праваго	
		крыла и Писемскій	143
		Клюшниковъ. Умѣренно-правые	145
		Лѣсковъ, Маркевичъ, Всеволодъ Кре-	
		стовскій	146

<i>Стр.</i>	<i>Стр.</i>
„Деревенские будни“ и „Устои“	164
Заключение	167
ГЛАВА VI.	
Глебъ Ивановичъ Успенскій.	
<i>И. Н. Игнатова.</i>	
Исканіе правды-истини и правды-справедливости, какъ основной мотивъ творчества Успенского	169
Русская пореформенная жизнь въ изображеніи Успенского	181
Трагедія души Успенского	190
ГЛАВА VII.	
1.	
Павелъ Ивановичъ Мельниковъ	
<i>(Андрей Печерскій).</i>	
<i>Н. А. Янчука.</i>	
Мельниковъ, какъ писатель	194
Первые рассказы Мельникова (50—60 гг.)	195
Мельниковъ, какъ представитель эпохи официального изученія народности.	
Отношеніе къ расколу	196
Бытовое значеніе романовъ „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“	200
Мельниковъ, какъ художникъ-этнографъ	205
2.	
Николай Семеновичъ Лѣсковъ.	
<i>Н. О. Лернера.</i>	
Причины непопулярности Лѣскова	207
1862 г., „Некуда“, „Соборянѣ“	212
Отношеніе современниковъ къ Лѣскову	216
Христіанство и народность въ міровоззрѣніи Лѣскова	221
Своебразность стиля Лѣскова	226
Отсутствіе цѣльности въ его міровоззрѣніи	228
ГЛАВА VIII.	
Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ.	
<i>Вл. П. Краухфельда.</i>	
Салтыковъ, какъ соціалистъ-утопистъ	230
Сотрудничество въ „Отечественныхъ Запискахъ“, „Запутанное дѣло“	233
Первый періодъ литературной дѣятельности Салтыкова. Отношеніе къ бюрократіи и дворянству	243
Пореформенное время въ произведеніяхъ Салтыкова	249
Салтыковъ и русская буржуазія	259
„Элементы будущаго“ въ русскомъ обществѣ	267
Роль „средняго человѣка“	273
„Письма къ тетенькѣ“	277
Взглядъ Салтыкова на значеніе литературы	278
Салтыковъ и 80-ые годы	280
ГЛАВА IX.	
1.	
Федоръ Михайловичъ Достоевскій.	
<i>Е. Д. Батюшкова.</i>	
I. Отъ психологіи къ религіи	284
II. Априорная прозрѣнія (отъ „Бѣдныхъ людей“ до катастрофы)	288
III. Опытъ и наблюденія (бытовые очерки, „Записки изъ Мертваго дома“, „Униженные и оскорбленные“).	295
IV. Идейный романъ и любовная трагедія („Записки изъ подполья“, „Преступленіе и наказаніе“, „Иди-отъ“)	306
V. Этика и политика („Бѣсы“, „Дневникъ писателя“, „Подростокъ“)	317
VI. Карамазовы и карамазовщина	328
2.	
Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ.	
<i>Вл. Г. Короленко.</i>	
„Четыре дня“ и военные разсказы Гаршина	335
„Надежда Николаевна“. Лиризмъ произведеній Гаршина	347
„Художники“, „Ночью“	350
20 февраля 1880 г. и Гаршинъ. „Красный цвѣтокъ“	356
Заключеніе	359
ГЛАВА X.	
Семенъ Яковлевичъ Надсонъ.	
<i>А. Дивильковскаго</i>	
C. Я. Надсонъ, какъ поэтъ русской разночинной интеллигентіи	362
Жажды личнаго счастья, какъ одна изъ характерныхъ чертъ поэзіи Надсона	365
„Три встречи Будды“	367
Техника творчества Надсона	369